

РИМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

20 1963

СМЕНА

СО ДНЯ СВОЕГО РОЖДЕНИЯ
КОМСОМОЛ ВМЕСТЕ С ПАРТИЕЙ
ВСЕГДА БЫЛ НА РЕШАЮЩИХ
РУБЕЖАХ КОМУНИСТИЧЕСКО-
ГО СТРОИТЕЛЬСТВА.

Н. С. ХРУЩЕВ

(Из письма участникам съезда мо-
лодых строителей ударных комсо-
мольских строев Сибири и Дальнего
Востока, 26 сентября 1963 г.)

Наше судно «Журиал «Смена» уходит в свой
первый рейс. Грохочет якорная цепь, вздрагива-
ют и танутся назад железные берега, надвигают-
ся спереди ажурные пролеты огромного мо-
ста, и сразу же, точно расплуты какой-то зава-
вес, открывается Астрахань. Город тих: еще не
настало утро...

Когда лунный полусвет пробуждающейся земли
поднимается над водой и туманом, над молоч-
ными плесами и крикливо городом, когда из
далеких желтых песков всплывает округлое солд-
це и повисает над Волгой, туманом и туманным,
чтобы через минуту-другую, словно бы передохну-
в от рождения, всплынуть ослепительно веч-
ным праздником утра,— слышал ли ты в этот час
гудки пароходов над Волгой! Они плывут по во-
де, уходят в Заволжье, трижды поворачивая
эхом, возвращаются усиленными. И вот уже оба
берега, вся земля — от жаркой Астрахани до Ры-
бинска, пропавшего горячим плато, и лесисто-
го Чернышца — звучит низко, мощно, чисто. Спо-
вно бы большой оркестр настраивается на лад
Волги, на лад реки Бунтарей и мечтателей, по-
движников и революционеров.

Можно каждый день встретить солнце над
Волгой — и не намыряться на ее восток.

Можно каждый день слушать утрашки голос
ее — и не наслушаться.

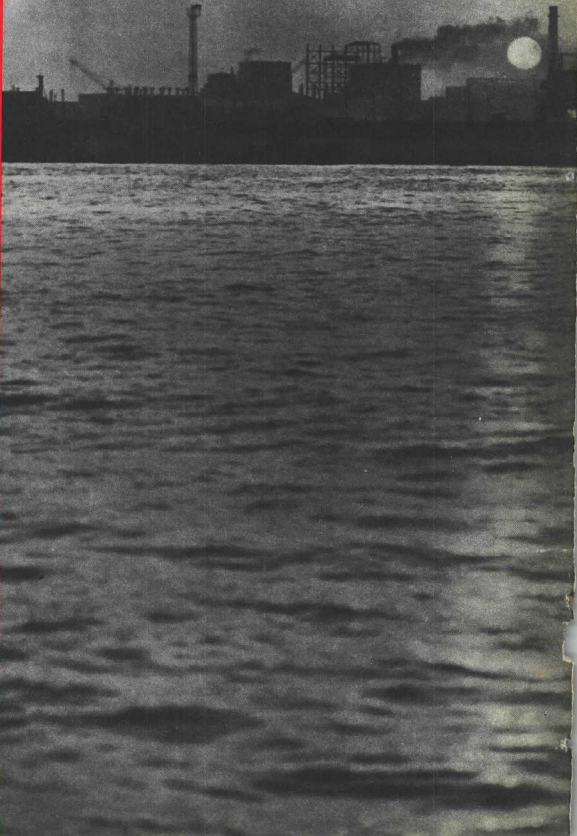
Можно знать до последней строчки песни ее,
легенды ее — и они не касаются тебя никогда.

Потому что река это несет на своих волнах
историю твоего народа, жизнь твоего народа,
неизбывность традиций его революции.

Не забыть их, не изменить им. Потому что над
великой рекой этой, как утрашки гудки, сплелись
в одно нерасторжимое песни разнородной возни-
цы о свободе, навывные думы крестьянского ца-
ря Пугача о равенстве, страстное стремление Са-
лавата Юлешева добыть клинок братства народов,
юные мечты Николая Чернышевского о прекрас-
ном царстве раскрепощенного труда, величие мо-
гучей мысли Ильича: сплелись, как утренние гуд-
ки, чтобы прозвучать в середине двадцатого века
над Волгой, над страной, над миром великой му-
дростью: Мир, Труд, Свобода, Равенство, Братство
и Счастье всех народов.

Не забыть этой мудрости, не изменить ей:
здесь молодость, опыт, борьба, вся жизнь твоих
дедов, твоих отцов, твоя молодость...

ВСЕГДА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

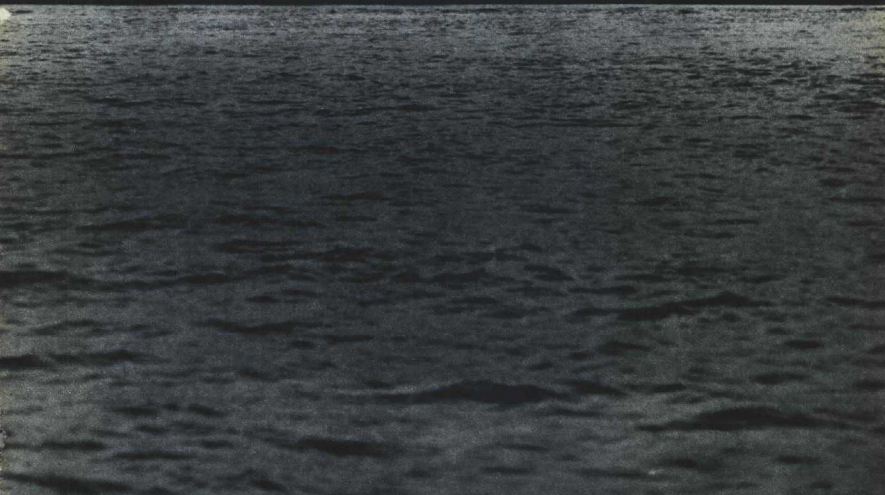
Год издания сорокшестой

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

20 ОКТЯБРЬ
1963

РОВЕСНИКИ

СОРОКАПЯТИЛЕТНЮ
ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА
ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭТОТ РЕЙС

Андрюха Платонов хорошо помнил, как вернулся с войны Дмитрий Макаров, как стоял он посреди горницы, заросшей и грязной, глядя влево, единственной теперей рудной взаражающей стеною жемы. Не только недобрые вести с фронта приносил он в Карлат. Был переломлен он какими-то бешеным гневом, который только усилился от вида голодной немцы поселян. И куда делась благочинная простота умелого рыбака, с которой Дмитрий уходил в армию слушать «царю и отечеству»!

Андрюха хорошо помнил, как ночью на двух бударках вышли пять рыбаков тайно в док на участии рыбопромышленников, как и туго, когда возвращались. Макаров изменился вдруг в лицо, затормозил усталых товарищей: «Давай, мими, ребята, мими

что есть силы — уйдём!» Позади беснува армия вспыхнула, будто кто-то зажжет фонарь и тут же погасил его с негрозным хлопком, и Макаров, не окнуя, утал лицом в морской сети. Там он погоря, оставив после себя бешеный гнев и непокорность...

Спустя несколько дней, после занавата, залез Андрей с дружинками в курортнике на берег. Было уже темно, когда носом в причал ткнулся следом и два старинца спрыгнули на землю. Андрей вскринул: «— было сигналом... ребята кинулись на охранников...»

«— За Дмитрием! Получайте, гадый За Дмитрий!»

На другой день в Карлат прибыл районный смотритель рыбного управления и завел на Платонова уголовное дело. На первом допросе Андрей для порядка изложил, на втором — добавил:

«... как раз паря. Разгараем, Андрюха...»

У Андрей от постоянного голода не выдержал голода. На свои, но, задержав чуть дольше взгляд на рыбаке, море...

«Не тремь, в обоз пойдут, дай Астрахани...»

Судителю носками подвода, хлопала грязь под копытами зморенных немцев, и Андрей, в шпоре обоз с рыбой ткнулся к Астрахани, а следом

тысячи рыбаков, это тысячи неурядки. И каждая из неурядки, каждое из дая, с какою приходят к началу июня... самое срочное, самое важное.

А еще бы не важное и не срочное, годка путин... Каждый даш простоя — это потеря тысяч центнеров рыбы.

Двадцать три года — столько было Василию Глущенко, молодому инженеру и начальнику МРС. Нет, двадцать три года и еще один месяц, еще тридцать дней, еще тридцать часов, еще тридцать минут, еще тридцать секунд... это потеря тысяч центнеров рыбы.

Обесиленный Андрей приронился и стене рядом с Митыной, стащил лезвие, выковыряв голую плоть, поставил разгоряченное лицо влянутому в стену, и выковырял дырку, которая всегда несет рыбаку удачу...

Это было за два месяца до Первого Всероссийского съезда РКСМ — первого форума Коммунистического Союза молодежи, на котором прозвучали слова: «Мы — Борцы. Для нас нет срединки путей, в един-единственный курс — на социализм...»

«Мы — Борцы. Для нас нет срединки путей, — звучит сегодня, спустя сорок пять лет, над утробной Волгой.

«Для лозунга — одна ягода. И не разорвать ее, не расторгнуть, как не поделить потока Волги пополам, как не начать песни с середины. Сорок шесть лет Советской власти — сорок пять лет Коммунистическому Союзу молодежи. Как отделить дела отцов от дел сыновей вот на этих утренных берегах Волги, покрытых заводами и новостройками! Какой из дери сократишь и что

календаря можно отбросить, перечеркнуть и не нарушить правды немцы, не солгать! Мы уходим вверх по Волге, чтобы прочитать день за днем на ее берегах календарь героических дел комсомоленки.

«Не забыть эти дал, не изменить им, потому что в них молодость твоих отцов, твою молодость...»

Людей могут разделять десятилетия, но если эти люди Борцы — они ягода ровесники. Они ровесник ягода. И пусай Василий Глущенко, он бирал по достоянию рыбного хозяйства, как Андрюха Платонов в Карлате, — а двадцать три года Василий принял на свои плечи нелегую заботу — став начальником морской рыболовецкой станции, МРС — это восстанит из моря, из котера до сейнера, одновременно выходящих на путьну. МРС — это всемогот капиталов, просяновских, режих, нетерпящих. МРС — это

тысячи рыбаков, это тысячи неурядки. И каждая из неурядки, каждое из дая, с какою приходят к началу июня... самое срочное, самое важное.

А еще бы не важное и не срочное, годка путин... Каждый даш простоя — это потеря тысяч центнеров рыбы.

Двадцать три года — столько было Василию Глущенко, молодому инженеру и начальнику МРС. Нет, двадцать три года и еще один месяц, еще тридцать дней, еще тридцать часов, еще тридцать минут, еще тридцать секунд... это потеря тысяч центнеров рыбы.

Обесиленный Андрей приронился и стене рядом с Митыной, стащил лезвие, выковыряв голую плоть, поставил разгоряченное лицо влянутому в стену, и выковырял дырку, которая всегда несет рыбаку удачу...

вместе с командой свамились с трахальнойной винтовой так же, как с веслами или сетями.

Двадцать три года и один месяц было Василию, когда он сказал первому рыбаку, пришедшему к начальнику со срочным своим делом:

— Слушаю вас...

Двадцать три года и один месяц было Василию Дмитриевичу Глуценко, когда на далеких промыслах говорили о нем:

— Молод, да не ахнет — дело знает!...

И совсем уж не вспоминали о его возрасте в колхозе «Большевик», где он стал председателем, когда пришла беда, когда восемнадцатидесятилетним, навзничным колхозу госхозотом-инженером, пролили разорить хозяйство непомерной стоимостью капитального ремонта.

— Ну, Глуценко не обойдешь, — говорили колхозники. — Не может быть, чтоб обойшли!...

И Глуценко зыркнул: дошел до Москвы, добился, что негодная техника, грозящая тяжелым бременем лечь на бюджет колхоза, была списана.

Нет, никаким особым даром на был наделян Василий от природы. Просто научился он думать, как рыба, жить, как рыба. Потому-то и шло от Астрахани до Каспия слава о Василии Глуценко, потому-то так замечто росли доходы артели.

Мы встретились с Глуценко в Оранжерейном. Василий уже стал директором крупнейшего на Волге рыбокомбината. В ожидании директора мы прошли по причалам и цехам комбината. Четко организованная работа оставляла впечатление цельности, законченной слаженности производства.

Но вот мы снова, во второй раз, проходим по

«Директор Волжск» — Василий Глуценко.

цехам уже с самим Глуценко и видим их уже глазами Василия. И то, что казалось нам обыденным, становится примечательным. Да, много сделано, но далеко не все. И причальная стенка, которая была для нас обычной причальной стенкой, вдруг оказывается участком лужим, тормозящим работу, и мы без особого направления андим уже здесь, на мосте старых свай, бетонный

Горячая пора на тоне «Молодежная».

причал, вместо ветхих, купеческих еще лабазов новые холодильные камеры, новые корпуса и участки.

— Будет, дайте срок...

И нельзя этому не верить: да, будет... Это большой дар — забота людей своей мечтой, заставить взглянуть на сугубо прозрачные вещи своими глазами, помочь увидеть красоту.

...Плывут вдоль бортов берега Астрахани, дымят за трубы, медленно разворачиваются ее краны с тяжелым грузом, растут корпуса ее заводов и фабрик. Там, вдалеке, за густой зеленью Братского сиверина, за белыми стенами домов, из которых выбивал мятежников Андрей Платонов и его товарищи, высокие трубы нового рыбокомбината, только что введенного в строй. Весь он как мечта, воплощенная в железобетонные конструкции, новые автоматические линии, умные машины. Сегодня он дает первые тонны продукции.

А слева по борту, в красноватой степи, откуда катятся тяжелые составы, груженные картоном, — ЦКК: целлюлозно-картонный комбинат. Там у входа в основной цех висит приказ-обязательство — «Дадим 150 тонн картона в сутки». А всего метра два висит другой — «Дадим 90 тонн картона в сутки».

И за всем этим видится молодой космонавт Волжск, ровесник эпохи — аэроталь и борцы, принявший лозунг своих отцов, первых комсомольцев и дополнивший его:

«Для нас нет среднего пути, наш курс — коммунизм...»

Мягко подгибает палуба под ногами от мощной, упругой силы главных двигателей; две широкие борода, как усы, расходятся от носа нашего состава, глном перекарывают Волгу и гаснут у берегов. Медленно разворачиваются, отстывая позади, золотые поля созревающей пшеницы и ржи, высоко пылят невидимые грузозащитки на невидимых за бургами правого берега дорожках. Белье деревьев подступают к воде. Нижнее Поволжье... Многое видели эти берега за четыре с половиной десятилетия...

В открытую рубку врывается теплый ветер, пропавший речной водой. Прямо тает с волгоградского степи запахом наливающегося хлеба. Где-то высоко в облаках, горно перекликался, провернул свой раструн-вшийся строй журавли. Птицы шли ко-ским, и лишь одна, вырвавшаяся впе-ред, трубно задала за собой стая. Видно, она была вожаком.

кикался, провернул свой раструн-вшийся строй журавли. Птицы шли ко-ским, и лишь одна, вырвавшаяся впе-ред, трубно задала за собой стая. Видно, она была вожаком.

Х Л Е Б И К Р О В Ъ

Из Новоаннинского сельсовета выносятся перед зарей. Над хатами, окутается за долгу осеннюю ночь, гасли звезды. Председатель Совета Степан Каратаев, секретарь Мирон Алексеев, пропагандист из окружкома Миша Либин стояли у ворот, курили, вслушались в звонкую тишину.

— Зубастая тебя, брат, комсомолец! — засмеялся пропагандист, провозвещая заглудил Вушу Лувлюкову. — Миша, — говорит, — товарищ Нарынников, рабочий класс уважает, но не за команье куртки». Здорово? — Отдыхать пора, — уставало зевнул Степан. — Вставать рано...

В трети раа сегодня обсуждали они список колхоза, подползающих раскулачливанию.

Дом Мирона, где инвентаризовал Степан и останавливался на ночлег представителя всевозможных «новоров», стоял в самом конце хутора, под горой, в окружении высиженных звонких раян. Пока шли по улице, в

они как заветились индкие огни, когда из труб потонули едкий извещенный дым. У кого-то во дворе глухо дхнул топор, на выгоне заскрипела, завожал колодезный журавель, за воротами нула Антона сила, видать, спрочная, забрала ножики. Из близкого леса ветер донес густой запах пахлой листвы и сиреневат дым на мажанных колеса. Сирин нудный, как комариный, звон задалеке приближался, и из-за угла Мирнова дома выкатился тарантас, запряженный быком. Мужичишка зигуну, дрямля, подогнулся под голову набитый чеп-чот мешок.

Услышав шаги, он вздрогнул, огрив быка хворостини и свернул в гасящей, заросшей лощине, перешел.

— Кто это? — Либин смотрел на мужчину с несправивающейся. — А-а... Чудак, — засмеялся. — Его правдолюбивство царский генерал Павел Мартынович Инушев. Нацеленный он на Мартыновича. В революцию хотел ударить. В Турцию, Да Черное море нахотел перепарывать. Теперь вот подползал бечевой свои замызганный зигун и едит по кутрам на баче-болонке, подбирается.

— Чудак, говорюшь? А и ному он засмеяет?

— Да брось ты! — подделал Степан Мирон. — Важные старик на зигун едит по казанам, которые и него служили...

Ватрала на крыльце ноги, Степан спросил:

— Самых, Михаил, правда про нас в газете на днях писали?

— Да, писали, колхозники назвали, так что дерниш! Момо сказать, вся страна на нас смотрит и, оборчущийся, встрети тревожный взгляд.

— Сколько лет тебе, Степан?

— Десятьнацать.

В оставшийся зорней тишине из черного леса выплыл и оборался протяжный, как стон больного, звук.

— Больной, — сказал Мирон. — У-у-у! Нам потому что.

— Чего?

— Под густыми, ичюловатыми бровями старика сверкали дегтирочерные глаза. — Причепачался, Мирон, и товарищ пригласил...

— Сидеть нам дома некогда. Мы ведь не в гости. Поступили на Совет собрание, люди наместо по ночам у тебя во дворе ходят. Вот мы с председателем Совета и его заместителем, — Мирон кивнул на Фатеева, — пришли проверить. И забрать извещики.

У старика дернулся кадим.

— Да ты в своем уме, Мирон? Какое же у меня дело? Кто же может ходить, кроме меня да дочери моей, с тобой в хутор вечерничать? Может, когда по нужде надо выйти, так кто же в избе, что ль? Ты ж сам знаешь...

— Я у тебя жил пять лет назад, да и то недолго!

— Никто не выгонил, сам ушел...

— Ладно, товарищ Мирон, идем во двор, базы осмотрим.

Мирон шагнул к двери.

Старик заерзал на длинной, чисто выскобленной скамье.

— Вот что Советские делают. Был отцом — стал товарищем. А базы, чего им гадать? Ступайте, коль интересуетесь.

Мирон, во двор, — распорядился Каратаев, — осмотри там, а мы с Ивановом в кладовки заглянем.

Старик всякою заперев по комнате, рванул ворот сатиновой рубашки.

— Гребите, разите из горла последний кусок! Тащите!

Митюлю локтем отперл двери кладовой и выскочил из горницы. Густо лавоново мшачими и прогорелой, смежавшейся мукой... В углу серел единственный мешок.

— Степан Федорович, сюда идите! — донесся с база голос Мирона.

Он стоял у развороченной кучи извещиков, рываком стирал пот.

— Видишь подвесной? Шалый синдикат коловенный устрои. Человек десятка работай, не вымше. Каким иротом, загнал людей под землю. Вот кто по ночам ходил у тебя по двору!

Митюлю сидел на провороченном турбаче, бычил голову, силованье глаза тупелись.

Каратаев ходил по базе, тыча в землю длинным металлическим шупом.

— Где спрятал хлеб, старик? Говори.

Митюлю трясся от злости, вынимая муку из мешка.

— Нету, Мироды вы, бога побойтесь! — лаял, разорос копешку ретюшного сена. Степан с силой кстал в землю шуп. И тотчас же за его спиной чиркнул лавоново.

Митюлю звенянула виль. Предостережения обиделись. В двух шагах от него, нажал Митюлю, хлалат трюк землю. Иван Фатеев сидел на нем верхом, заломив старичку зигуну.

— Я не сумел — другие заперли, — хрипел, отплевываясь, Митюлю.

Линя отстала. И хотя ночами от удара дождя в кутур звенелись комомые ветры, серо дымялись горизонт и сыпала крупа, и поудно небо ошмыгалось с рван тугавой правой сыростью, розово похолодал в займичье перебрался ватан. Курь, зурьса на солнце, ваюно пины из колыи смегло.

В эти дни Степан редюо выехал в сельсовет, неделики пропал в селла, проводя собрание, агитировал за колхозниязацию. Он оснулся, поше по глазу светилась негодном, дерзко.

— Скажилаи по машинку, он расназавил занавешивать комсомольцев.

— Все, принимаю! бедники кулана и ноглыи вквара коммунистуи с комсомольцами создади товариществе по совместной обработке земли, и

знаешь, как назавил? «Ответ иудану. Во, брат!»

Степан раскатиство смеялся и, запрокинув голову, мечтал:

— Во! поудому трикотери, эх, и жизнь пойдет, Ваня! Пусть кулачке тогда брусат лонги. А то сидит вчера, бороды на колени покоченил, «Не мешать», — говорит, — голдраненя кормить, пудый салат тут, — съел на Лукьянова и давай их расклатывал. И потом — бах на стол завалил: не за ней Коля Почтарев, Паша Захаров... Нынче в Ямиском собрание...

— Мескоченил поудому трикотери, эх, поначиналась, вошел Нинифор, уплюно-

— Ты чего не уехал? — Степан стелет на него глазами, и в друге все понае: из него, как из котла, другой трикотери, запелелся кровь. Кара-

тав помог уплюночомуиному сесте на смакью, потухомим голосом спроси:

— Где ранили? — В Ямиском лесу. Двое отстрелились на лошадк с ружьями. Погнали в башу расстрелялись. Один отстал, му, а я сиганул на второго, станицы с

копы. Началась потасовка. Он и выстрелил, Каталасе по завале рван один у другого ружье. Вину, не совладать с ним, — я выстрелил. Я затвор вытаскии и в бурьян. Пона он его искал, — я в башку.

— И кровью я лею! — Степан горюдо ирнутаи ручку телефона. — Сейчас сошкнись в башу расстрелялись. Один отстал, Кателасе, — собери себе комсомольцев. Надо промчаться Ямиском лес.

— Домидься, пока соединят с районом, задумчиво, словно сам себе, сказал.

Дорого нам обходится себе, свелась и кровью за него платил!

— В полночь под комсомом по хутору

гнали четверטה белобандитов. Вместе с ними шагав царский генерал Якушев. Не в рваной зинтуе, подпосанном бечевкой. Шел при полном параде, позывная крестами.

Утром хуторные видели, как неприлично хорил по двору его бын-булку.

Отселены и Перевому. И, нан по заказу, пошел дождь. Первый в эту весну. Сначала застенчиво стинуил птышеть раз по крышам домов, и перебрался на крышу, ослепелась, и в жвад немного, смешно заковылял по хуторским улицам. Дождь бежал, подгонимый ветром, ослепелась, и его тонине ноги по-телячи расплоспались. Дождики только учился хорить.

Председатель Совета колхоза пригрозил им капляи дождя, подбрасывая, будто взвешивая, и думал о том, что колхози он очень вовремя хлеба теперь пойдут в рост.

А дожди шел и шел, захлебывался от радости...

Л естий день жжет солнце. Жесткие, беслесые лучи его девят, прижимают к земле все живое. Только сызая попыльа, колыхается над степью, прикрывает ее от зноя редкой светлой сновк стеблей, сдерживает цепники корнями сыпучий песок.

— Не стонт допусту ветру! — пискос с шипением начинает подскать стебли. Как на равной мешковины, сыплется он. И вот уже ветер подхватил тонкие струйки и свил в черной, упругой жгут, синячки. И раскручивается этот смерж залп, синячкии глыстои над землей, и ружья уже на село, на дома, завыл, закрутил их жаром спеланя пленуюю павка.

— Вместе со смержем зорвался в село на мотоцикле Пугтов. Как черт на приподной, черныи от еще не просохшей грязи.

— Канал ревет! Канал!

Резко тормознув, Федор перемарнул через лаясандина, зерошый звеставой мальвой, грузил по рамке кулаком:

— Верка! Вода канал ревет! Кузнецова-а!

Стужую око в горнице. Прикрывав рукой лицо от сучекого песка, Вера перегнулась через подоконник.

— Уматской канал размыло! — выдохнул Федор. — Метров пять унесло.

— Чего?! — Верно лицо побелело под загаром. — Так что ж ты стоишь!

Выскочив из око, прыгнула на заднее сиденье мотоцикла.

— Гони, миленький, людей поднимать! Гони!

И повисел по темным от смержа уащам рев мотоцикла. Грохот Федын увестий кулак по стареньким ставням, захлопнутым наглухо от песка и зноя.

От председателя колхоза — к главному агроному, от агронома — к парторгу, потом к комсоргу, к шоферам, к технику-строителю.

— Канал водот ревет!

— Где-то на зааду, у мастеровик, заурчали «ЗИЛы».

— Теперь на канал, Феденька, бистрей!

Федор гнал мотоцикл по степи. Верные руки вышмысли ему в плечи, кивали вымривать везу, но он молчал. Он представлял, как сейчас творится в ее душе: ведь мелиорация в колхозе — это первая в жизни работа Веры. Позапрошлой осенью прямо из техникума приехала она к ним в колхоз имени XV-летия комсомола, Владимирского района.

Председатель колхоза Юрий Белоусов сказал Кузнецовой:

— Вы надежда у нас на орошение. Сейчас на орошение работают шабашники из города — человек сто. Не по карману нам. Там что «русские, мелиоратор, разрознявшиеся».

И Вера крутилась. С тяжелой треногой теодолита исходила сотни гектаров степи. Потом дол-

гую осень и зиму сидела за расчетами. А когда пришла весна, давала и ночевала в степи со строительным отрядом районной мелиораторной станции. И уже первой весной зазеленела в чехек кукуруза.

В гудачие молодые голосаи зале вручили ей комсомольскую грамоту за лучший участок в области.

И вот сейчас вышедшая из повиновения вода грозила все смести!

Моточика вырвался на крутой холм. Над ними было небо, и под ними тоже было небо. Синие околки его розовым линиями резали степь, и по колено забреда в эту синю, густо запеленал, прорывшейся от жара степи кукуруза. Солнце дробилось, играло в каналах. Словои синие, мощные волны, гнали они воду — кровь земли — к первым четырехугольным чехам, где оно шелестела тонущими листьями кукурузы.

Эта привычная глазу красота как-то успокоила Веру, но уже через мгновение она увидела, что стена одного из каналов пропрана и вода лениво уходит в степь, обскоряющаяся поливными участки.

Едва моточик успел замереть у главного распределительного канала, Вера взбжала по крутой насыпи и всем телом навалилась на горнечек кольцо затвора. Обжимая руку, крутанула его на себя. Виток, эше виток — и вода встала. Теперь — к прорыву. Но моточик Федора, несколько раз чихнув, згелю. Из села, тяжело таща песочный шнеф, вынырнула два «ЗИЛа». Вера махнула рукой на мотоцикл и побжала к прорыву.

Она прибежала туда одновременно с «ЗИМами». Вода медленно жевала стенку канала и уносила ее в степь. Из первой машины выпрыгнул Белоусов.

— Глина нужна, Юра, глина! — крикнула ему Вера.

— Есть глина! — буркнул Белоусов и откинул борт машины. — Расставай людей.

Стоя по колено в грязной зинке, люди пытались восстановить стенку. Вода нехотя поддавалась упорству людей. Медленно уходила в канал.

Но потом снова, набравшись сил, сносила стенку.

— Стой, мелиоратор! Пустай работай! — останаил ее Белоусов. — Давай попробуем с соломой.

Вроде самаа что-то.

— Не принятю, Юр.

— Он иступил голозой!

— Дуй за соломой!

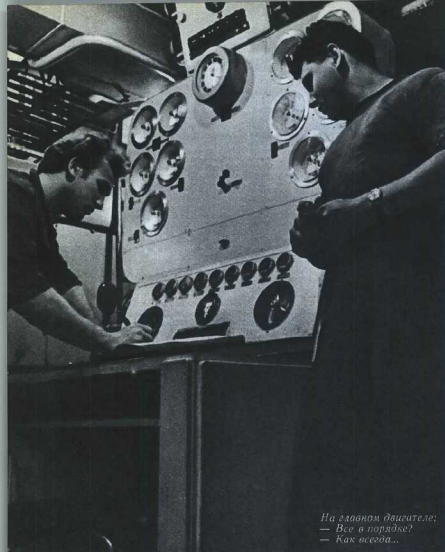
И Вера погнала «ЗИЛы на молочную ферму. Она являла вилками колочую солому в кузов и завопторчала: «Не принятю, не принятю!»

Тут же, на канале, люди немцы перемешивать ногами солому с глиной. Прошел час, был на исходе другой. Самаяна стенка все росла.

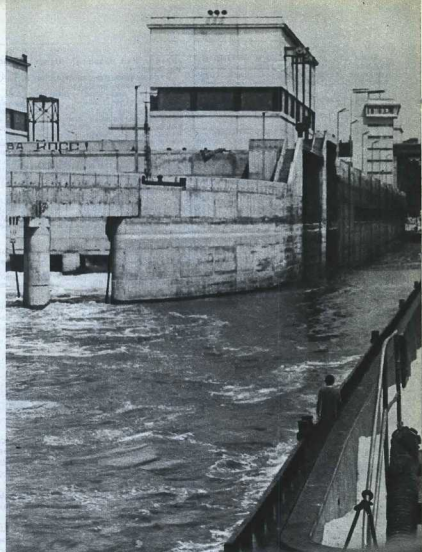
И вода, устав бороться с людьми, смирилась.

По волей авторки страны — Волге — ежегодно перевозятся тысячи тонн хлеба. На с. снимке: заправка тепловозов зерном нового урожая на Ровенском хлебоприемном пункте Саратовской области.

На главном двигателе:
— Все в порядке?
— Как всегда...

„ВАХТУ СДАЛ“

Важные, медленные и оттого торжественные, растворяются перед явным составом ворта последнего Волгоградского шлюза. Наш капитан Волода Воронов, поглядывая на часы, делает запись в вахтенном журнале:

«13.30—14.15—ждем шлюзования.

14.15—15.40—шлюзуемся.

15.50—вышли в водохранилище.

Вахту сдал: Воронов. Вахту принял...»

Первый штурман Гена Жиганов берет ручку, роцкером ставит подпись.

«Вахту сдал...» «Вахту принял...» «Больных нет, «Видимость хорошая...» Коротки, предельно деловиты записи в вахтенном журнале. Но за этими короткими строчками явственно проступают нелегкие будни речников, тружеников Волги.

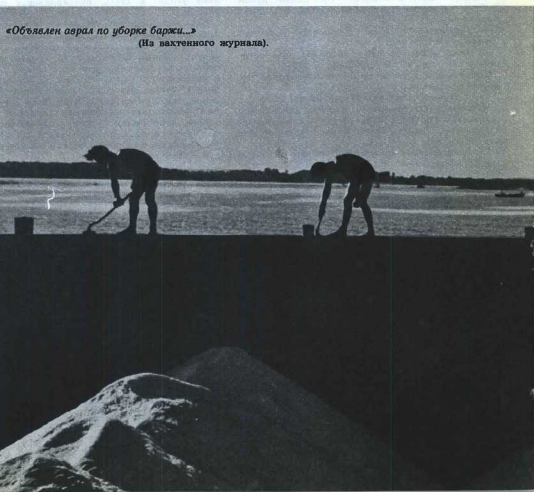
«Туман, дожди, видимость—пятьсот метров. Вахту сдал...»

«Туман, дождь, видимость—сто метров. Сорвало красный буй у правого берега...»

«Туман, видимость—пятьдесят метров...»

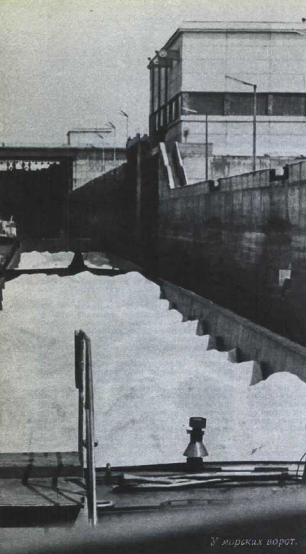
Длина состава «Журнал «Смена» вместе с толкачом—почти четверть километра. Когда стоишь в рубке, нос кажется где-то очень далеко огромное тело лежит внизу, глубоко освещен под тяжестью семи тысяч тонн груза. Малейшее неточное движение—и течение упирается в борт, силится выбросить баржу на мель. Но неточных дажежей не бывает...

В рубке тишина, колыхнутся стрелки приборов, чуть потрескивает рулевое колесо, и, чуть отрываясь на каждом его движении, отклоняются то вправо, то влево нос нашего судна. Яркое солнце, яркое блики его на воде, яркими точками светятся по фарватеру белые и красные бакены. И, пробега глазами вахтенный журнал, невозмо-

«Объявлен аларл по уборке баржи...»

(Из вахтенного журнала).

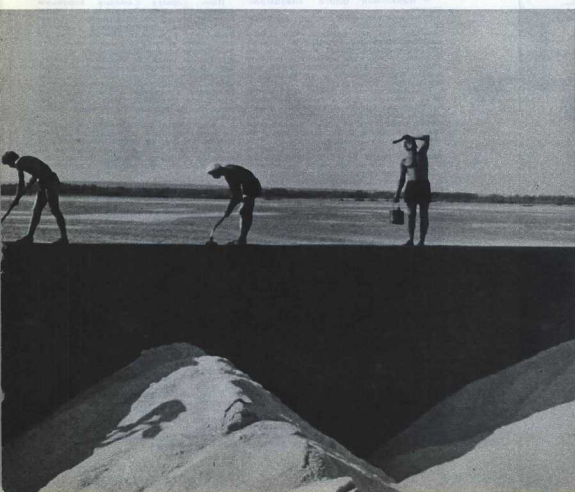

У мирских ворот.

Ночная вахта.

— ВАХТУ ПРИНЯЛ... ”

но себе представить, как можно провести по сложному волжскому пути тяжелый грузовой состав при видимости пятьдесят метров по сорванным буям. Но, значит, можно...

Самому старшему на нашем судне, капитану Володе Воронову, тридцать четыре года. Первому штурману Гене Жиганову и старшему механику Славе Назарову — по двадцать шесть. Остальным — и того меньше: девятнадцать, двадцать, двадцать два... Во многом они еще мальчишки, подшучивающие друг над другом, азартно болтающие над шахматной доской, с криками бросающиеся в воду с кормы на короткой стоянке, пишущие по вечерам в каютах длинные письма родным и еще — одной девушке, знакомой... Словом, девушки в Ставрополь, Куйбышев или Горький...

Вахта первая, вторая, третья, четвертая...

...«Арал. Снимем с мели теплоход «Керчь»: ветер 5—6 баллов, дождь...»

Да, да, вот эти самые парнишки, когда приходит беда, становятся смелыми мужчинами. Трое суток почти без сна, на обжигающем апрельском ветру помогали они товарищам справиться с мели...

И когда кончился этот казавшийся баснонным арал, Володя Воронов, или Гена, или старших Слава взял ручку онемевшими пальцами и записал кратко:

«Арал окончен, продолжаем рейс. Вахту сдал...» Вахтенный забыл расписаться, а может быть, кончились в ручке чернила. Жалко, что нельзя было записать в журнал, что после этого арала команда начала борьбу за звание экипажа коммунистического труда, борьбу, которую ведут сегодня все волжане, продолжая традиции тех лет, когда Волга была чуть ли не единственной транспортной артерией страны.

И тех лет не забыть, не изменить им, потому что это молодость твоих отцов — твоя молодость

ПОСЛЕДНИ

О и теперь еще трется бортом о причалы Куйбышевской пристани. Развезают по причалам доски, веревки, шавары, краску — что угодно. Но туда, где пролезают пути больших судов, его не выпускают. Мы встретимся с этим бусиком солнечным утром. Он шел против течения и волон за собой огромную баржу с горой тинов, прикрыв свою грудку илицу «Льва».

Этот «Лев» не путался под ногами у современных цеолитово-фелювых фламанов, у которых гудки действительно что ливаный рев. Но нам горлоломно шел Упорный, воюючи битый, ладьями третий и до наших дней unbelievable, истинный труженик Волги. И старые волжари на мостинах целованных фламанов приветствовали его изнаним, почетными гудками. Приветствовали свою комсомольскую конюшу, потому что помещали как перед самым ледостоем 1932 года шел вверх по Волге из Волска в Самару этот чернышник, как муравей, бусиришико. И тину барку с цементом, раз в десять больше саба.

Льды, ворочаясь, двигались по всей черной шире реки — сплошное осеннее асфальт. Это означало, что совсем недалеко, может, у Волска, который проважало ступилась над водой дымчатая шейша цементного завода, начался ледостой. Он мог и здесь начаться ночью мороз крапачи. Мороз в ледостой.

Вечером с нагиба громадной реки команда увидела город и низкие огни. Самару... При виде ее посетил лицом Лев Гирюкин, «Лев Гирюкин» его называли на строительстве самарского «накладного» моста на линии Волжской Волги. Лева лего прыгал на любой высоте причал и солиди, реконвандася.

Начальник флота «Карбоарстрон».

И на недоуменный взгляд разразился уничтожающей тирадой: — Ах, ты не знаешь, что такое «Карбоарстрон»? Первый в стране «Карбоарстронский завод»! И если ты не будешь откусывать цемент в первую очередь нам, это по какой-то причине страна будет гарцевать на лошади и на коровах пахать...

Там Лева добыла любой груз волжской пристани для «Карбоарстрона». А «Волжская Волга» кооперация в своем Левинном титуле, потому что это любой моментом в вранье долгов конвоеса о том, какой будет Волга лет этак через тридцать — сорон.

Лева тину из Волска в Самару первый цемент для «Карбоарстрона» и лудак о начавшемся ледостоем.

В Варнах готовились ко сну. В третьем, комсомольском, томе готовились к корсему сну, в любую минуту людей могло поднить на ноги одно только слово: цемент. Цемент мчали все. И это даже лучше, что баржа присидела на диком, а ночью Дичем со сными не возьмешь людей, а ночью, считались, все свободны.

Бары димен. Команды несут ниет, он разделен на две половинки горблями. На одной минуте паров на другой десятка. И там и здесь — по сто пятьдесят человек. Ного триста.

Спит эти триста в огромном, как мир, баране. Неподвижны по углам от горориния простынями. Совсем еще молодые, с пылыми и вливыми гудки мальчишки блаженно улыбаются во сне им снится мамы-папы. Немедленные мушкетеры улыбаются иными любовные ряды, за стеной из горбляев.

Грохнула выстрелом дверь — оборвались сны, оборванные криком: — Цемент гибнет!

Не увидел начальники Волги сгоревших огнями стобойи. Льды приперли бусикр к Норовскому устью. Баржу выкинула на мель, провалился борт. Вода хлынула и деревянными бочка. А в бочках цемент — хлеб строини. Если и до него доберется вода,

бочки превратятся в оналубку. Разбей илелки, а бочка как стояла, так и осталась.

— Цемент гибнет! — кричал в бараньей сендарастройной, бедолажничий паренев в буденове.

Колги крик срывал ребит с нар. Не потерял глаз, они сваявались за одеждо. Навертывали портини, совали головы в выгоревшие добела гиванкстрон. Кто рываем подполсывался, кто веревочной. Кто юдьяными салоган богот, а для кого лалти — вся обивка. Увои у стены три соседи а по иолкам, три товарищи, три романтика — Иван Нерушин, Васяна Козырев и Петр Алтунин; у них все олежда, все олежда в один размер — на трюки. И мостом выходной томе огни на трюки. Наружайши, мди на свидание, в театр, а парн — куда иривит. Только на «наравится» извонит нет. Потому уже ночь, паренев поимкает комсомольно по авралу Коля Карфидов. Которую уже ночь за черным пролом двери урчит, тревожно сигнализ, машина.

Потом она мечется по темным прибрежным улочкам, где روشنские дома с выветрившей лепной, исподобно глядят на Нолму Карфидова и на аса разит. А у бочко оди, в голове: «Мости б не развели! Только б не развели!»

Но Карфидов уже через Самарку чудом еше жил. Иллыва транспортная деловая, заводская машина стоили веревочной. В конце веревочной — ребита с карбоарстронной. Карфидов высказал за самот «Корбона» нулся объяснить мужикам, сосваивая в темноте свет лампы. Мужики не имели дела с цементом и понимали «накладного» моста. Он самозному мосту, разъяснил там ногого на слухом и приловил с собой. Машина пропущена.

Ночь украла Самарку вороними криком, обидеи обывателя из старых нулемских домов, разубиженных смутным шумом, доносившихся с Волги. Исподобно с мужских перин, иривил осторожно и ону и сияво близило отогнутое штору выглядывая на улицу. Улицы ишли. От Норовского острова Волга дошла до хвоста. Он там доносился несенный стучи, голоса лоза, гудакто кружачи и темнее тавшичи.

Барна была очень плоха. Она стояла на накрившихся. В нескольких метрах от берега, по льдам, обрывался и лежал поперек дощатой обшивки ветеного склута «Льва». Потом ионкание на оуцую, соорудили мости.

Коля Карфидов первым прыгнул на них, поперобовал выдержать лиу. За ним взошли на хлипкие доски комсомола Карфидов, Иван Нерушин, Васяна Козырев и Алтунин Петр. Попробовали по-особому ползали, пораскачивали — решили години. И полезли в трюм. По иолево в ледяной трюм, поперобовали по-особому ползали, пораскачивали — решили години. И вали в ировь нуру о рываке обидеи на хвосте.

И вот первая бочка показала из черного зема трюма. За ней пробола вторая, третья, четвертая, пятая, шестая, седьмая, восьмая, девятая, десятая от течения в сторону, и тогда пулеметной дульной очередью зароботал дингатель «Льва».

Обмолгал ледное месиво. Кто-то чертакался, кто-то смеялся, а кто-то натруно иривал, стояя на полах трюма и в барановых перисках крылате силузаты ребит в распахнутых шинельх металась по берегу, по лагуле барнома.

И Коля Карфидов, комсомольский комсомола Карфидов, Иван Нерушин и Бориска Оборотников: «А бусикр иривил на олежда, молодежь иривил подувал о том, как приривиса эти триста парней, подполсанние кое-как и кое-как снетье».

ПЕРЕКРЕСТОК ВЕЛИКИХ РЕК

Самарский карбиюраторный, Волгоградский тракторный, Магнитка, Комсомольск-на-Амуре — это утро великой стройки нашей страны. А день — вот он расплывается перед нами могучими крыльями гидроэлектростанций имени XIII съезда КПСС и имени В. И. Ленина. Бетонные крылья обняли Волгу и подняли почти ровнен с Жигулями. Наш сварочный состав входит в Куйбышевское море. Здесь, на перекрестке двух великих рек — Волги и электрической реки, — как-то по-особому остро чувствуешь красоту истории своего великого народа, красоту людей. Древние Жигули и солнечный амур бетонной плиты, раздольная водная ширь и ритмичная, спокойная линия ЛЭП. Две реки — древняя и недавно нарожденная — сплелись для людского счастья.

А разве не прекрасна вот эта женщина, коротко стриженная молодая женщина — Галина Сузарева, что стоит у диспетчерского пульта электростанции? Лицо, пожелтел, самое обычное, русское. Да и биография тоже очень обычная — советская: недавняя студентка, ныне инженер. Дежурный диспетчер. Но, может, в этой общности-то и заклю-

чено прекрасное? Ну, скажите, в чем уступает Галина Василеиса Прекрасной? Она тоже одним движением вершит чудеса. Только без волшебной палочки. Отсюда, из диспетчерского зала, Галина при помощи автоматики управляет всей станцией, ее мощными агрегатами. Отсюда она может дать электроэнергию на Урал — и заработают нефтяные бурьи на реке Белой; отсюда она может подбросить энергию на юг — и двинутся поезда с кривокопской рудой. Да, обычная биография, обычная судьба. Но в этой общности и заключается то прекрасное, чем сильна наша страна.

Старое, уродливое уходит в прошлое. Вот так, как каму на дно Куйбышевского моря старый Ставрополь, с кандалным Владимирским трактом, со швейцарей ишветой крестьян, с тоскилыми песнями Буракова. А у рта электрической реки родился новый Ставрополь — город комсомольских строков. В старом был всего один ремонтный завод. А в новом растут гиганты: завод синтетического каучука, химический завод, завод тяжелого цементного машиностроения.

...Ульяновск. Останавливаемся на реке, ожидаем приказа диспетчера. Он гласит: уровень Волги

вверху — 3 метра 70 сантиметров, составу пронавести отауку до 3 метров 50 сантиметров. Иметь запас воды 20 сантиметров. И пока свещи, подводится к стенке, пока огромные башенные краны начинают свое дело, Волода Воронов разрешает команде, свободной от вахты, сойти на берег.

Станция... Не приходится речникам жить на корабле месяцами, как их товарищам с морских судов. Но все равно стоянка — это очень здорово: это — новое кино, это людные и оттого всегда праздничные улицы, от которых все же отъезжаешь на судне. Это замечную короткая побывка или встреча с той самой девушкой, которой — длинные письма из рейса.

Мы тоже сходим на берег. Наш маршрут — к долине на тихой улице. Мы не знаем, как называется улица, и не знаем номера этого дома, но жвядки, к кому бы мы ни обратились, объясняют, как пройти или на каком трамвае проехать. Поэтому что дом этот — дом Ильича.

Мы отличаем его издалека — по цепочке людей, что входят в ворота, нарядные орой, и выходят назад, но не спешат разойтись, долго еще стоят на пороге, молчат. Молчат, думают о самом дорогом, самом сокровенном...

Ульяновск. Там, где мечта Ильича.

МАЛЫШ И ШКОЛЬНИКОВОГО ВРЕМЕНИ

Они жили в одном городе, на соседних улицах. Ходили в одну школу, игрались на одном пляже и не раз, вернее, годили мяч на одной футбольном поле, защищая спортивную честь своей улицы... Но пришла день, обычный в ряду других — такой же солнечный, такой же ясный — и день необычный, день жуткий и грозный, переломный надвое судьбы людей и народов. 22 июня. И произошло над улицами пляжами и футбольными полями, над молчаливыми площадями:

Вставая, страна огромная, Вставая на смертный бой... И оба встретились у подъезда военкомата: Гена Карюнин и Миша Семенов. Геннадий с детства мечтал стать летчиком, а через несколько недель уехал в училище, чтобы закончить выдти из него офицером-танкистом. Михаил же, до смерти исполненной преобразовательной «Мая цю», пошел выгрывать на станцию Ульяновский станин заводированного Московского автозавода.

— С фашистской силой твоего, С пролетарой ордой... Детство кончилось, для юности не было времени, пришла суровая зрелость: мальчиш становились мужичками... В семнадцатый лет ловят рыбу и строят модели планеров, мечтают о великом небе. В семнадцатый сунут сухар, горячий побег в Испанию, в семнадцатый впервые влюбятся, а в семнадцатый Лермонтова и Есенина открывают перед изумленным мальчишеским взором мир, томительный и заворающий. Но это — тогда вил.

— Пусть зрость благодарная Экспонат, как война... В семнадцатый Гена Карюнин поучил под началью Там. В первом бою

сейчас это уже история. И первый котлован, и первое комсомольское собрание, проходившее в нем, и первая кладка кирпичной в фундаменте будущего завода, которую сделал Саша Зинин. Это было в 1958 году, сейчас это уже история. История живет в легендах, оставших в музеех. Вот точно так же, как портрет Саша Зинина хранится в государственном музее в Иканы. И экскурсоводы объясняют гостям Татарии: — А это наш лучший строитель Александр Зинин, а это его комсомольская путевка и почетные грамоты... И парнишка пришла слава—его портрет висит в музее,— но сам парнишка в музее не заглядывает, и, когда с ним заговаривают о славе, он обиженон шуркает... Что я, придумал, что ли... А еще докучливый репортер пытается выведать, о чем он думал, когда начиналась стройка, Саша металитально отвечает: — Выслаться, спать ночь, день и снова ночь подряд. И сейчас точн.—И, разнузу по горлу

под Сталинградом его зинпан уничтожены шестидесят фашисты. И с этого началось карьера, которую ни одна мать не имеет права пожелать своему сыну, только Родина в люкую годину. Приходит письма на передовую: «Убили отца...» «За отца мщ!» — сообщает Геннадий домой. Приходит письма о гибели друзей. «Мшу за друзей!»

О Геннадии и его зинпане писали газеты, и в далеком Ульяновске ждало и вглядывалось в короткие строчки Миша Семенов, и поднималась гордость за зинпане, почти что ровесника, и томил меланье — скорей бы туда, на передовую. А утром, затежно, поднимался с постели и шел на завод. Давало исчезла та маленькая мальчишеская гордость оттого, что чувств, что рини в машинном масле и ссадинках, оттого, что рабочий день его — все двенадцать часов, как у взрослых. Был рабочий Михаил Семенов, белы ровесника и ровесницы его — кадровые рабочие, которые предприняти, и их руками выломали станин, вымусили сотни грузовых машины в сутки плюс моторы для танков, плюс двигатели и детали для военным заказам, плюс... Те границы человеческих возможностей! Не выдержали станин чрезвычайной нагрузки. После смены зарывались в постель, вымусили и мальчишки.

— Подумай вечером, при свете лампы слова пригоди, перед глазами газетные строчки, и снова горячий выведать залесался — скорей бы туда, на передовую...

— Идет война народная, Священная война...

Каждую неделю в случайный свободный час приходил Михаил и военному номеру, слышал снова и слова: «Погоди, успеешь!» и возвращался ребром ладоню, обрывает интервью—Больше не могу, прости. Работа, старик! Портреты висят в музеех, интервью стареют в газетных подшивках. Человек остается жить в работе. Здесь его слава. И пуская это уже стало историей, но память хранит... На голые пугусты—ветер, колочий снег сечет лино. Десятки километров от города до стройки, десять километров по дороге, что одна мила, а другая не осилит. А осилить нужно. В кузове—электродр, без которых вот-вот останутся работа свариши, в кузове много еще разных мелочей, без которых бригадам—зарез. И несолько ребят. Они сидят, скважины под ветром, чутко прислушиваясь и интуковому врет мотора, ожидая, снова сигнала, толчка, когда машина затрется, буксуя и зарывшаяся в размошную глину. И тогда надо спрыгивать, брать лопату, подкапываясь под колеса, наваливаясь плечем — на задний борт, раскидывая его, помогая мотору, потому что двигатели в давность лошадиных сил не осилит эту дорогу без помощи пяти ребятских...

— На голок тустуря—ветер, колочий снег сечет лино. В неотпалываемой столовой-сарее не удрученный. И как знать, может быть, легче было бы жить ему, если бы смог он увидеть лицо своего земляка Геннадия Наронина в ту минуту, когда тот заметил на моторе ногой своего танка Кривоно Ульяновского завода... Прокрдит приназ штаба. — Как поиняи задачу? — Задку поиняи, плацдарм ударили! Командир роты Геннадий Карюнин подает команду: — По машинам! Три танка остались охранять переправу, три других с командирским во главе пошли в обход фашистского укрепраона. Лучшая оборона — это наступление. Короткий, стремительный бой — и танки с десантниками врываются в город, нагонит колонну немецких автомашин: машины, стрельба, греск... Трофей: железнодорожный состав, склад боеприпасов, оружие, деснтни автомашин, пленные. «Самыми бесстрашными действиями командир роты Карюнин способствовал взятию нашими войсками города Черновозы...» —Фогин: «Яростно: ободенный перерыв. Замирают станин, оминается вход в ступолу, на дверей — соблазнительный запах окислин...» —Фогин: «Поднял на минуту! — мажет Семенов. Поднял на минуту! — Подошел на минуту, а пришлось задержаться в после работы. И на другой день опять у всех оиди как уснорившийся в после нового заезда. — Интересно, но слишком слоино... Нет, это не то... А здесь что-то есть...» Сидит чертвяк детально разраствора станин, Тимоний от металлургии падает под технологическую схему.

— Самая сложная деталь, из-за нее не можем задержаться. Поставить на три станин, потомок... Делано... Трофей... Впрочем, здесь это называется иначе: выигрши времени — две недели...

Танк Геннадия Карюнина одним из первых переех государственную границу Советского Союза. В бою у железнодорожной станции он вспыхнул: прямое попадание. И в последние мгновения прошло решение: в шестой цистер! Горюшка, как фанера, танк со всего хула взрывается в состав... Так побег командир роты Герой Советского Союза танкист Геннадий Карюнин, с детства мечтавший стать летчиком.

А спустя некоторое время Михаил Семенов, попорчившись с друзьями и ровесниками, быстро зашагал по улицам Ульяновске. Десять минут молча у дома Ленина, и снова быстрым шагом и востану, где доминировали и высокие зешены, откуда начинались фронтонная дорога, как когда-то, в сорок первом, началась фронтонная дорога Геннадия Карюнина. Только фронтонная дорога Михаила началась от границы, от той железнодорожной станции, в бою за которую побег его друг и ровесник.

И снова газеты приносят в Ульяновске название замятых городов и имен новых героев, и снова неудержимое стремление туда, на передовую, будоражит усталый ребят и деушен, мальчишек сурового времени. Идет война народная...

Мы встретили Михаила Семенова на пороге дома. Миша. На площадке — разноцветные планы орденов и медалей. Он стоял и добро смотрел на сегодняшних мальчишек и девчонок, на красных и радостных друзей, на уверенных, сильных ребят, что приплыл теперь у порога... Он защищал дело Ленина, они — продолжат...

теплев. Пока еще первое, второе замерзает. Детерьеры сбегаи: романтика хороша в позах. А гдиз, здесь даже человека не видно... Стройкагдиз есть зирята котлованам. Говорят, над землей будет только останова апродукта, все же остальное под землей. Все коммуникации, все каналы, все линии... Но это все будет только в 1963 году. А тогда был 1958—и колочий ветер, грязь и бедородная. Белыми со стройки дзвурты, а стройка все равно держалась. Силой настоящих парней углублялись котлованы, росли коммунишки... Всего год — трудный пятдесят восьмой год — проработан на стройке Далер Зялалов. А потом ушел в армию. И полетели с надлего Сахалина солдатские письма в Казань: «Да напишите же подробней, что построили, как с кирпичом. Не отписывайтесь бюрократы...» Уходил солдат, когда только проходила и заводоуправление построили. А вернулся и увидел корпус цехов фенола, пирролиза, мелхиического конденсатора... Стрелками все успели достроить корпус цехов, когда на площадке появились хозяева

завода. Первыми приехали из Ново-Куйбышевска, Курска, Грозного малальники цехов. Потом в августе пришли семнадцать выпускников Казанского химико-технологического института. В декабре шестьдесят первого появились первые шестьдесят аппаратчиков — выпускники технических училищ. Потом — машинисты, слесари.

Завода еще не было — были коробки зданий. И слесари четверта шестого, четвертаа третьего цехов Анаар Даутов и Иван Горшков взяли обучить новичков монтажным работам. Машинисты, аппаратчики, техники будущего завода вместе с кадровыми строительными ваки монтаж цехов, работали маларями, штукатурами, разнорабочими. Восемь часов смена. И еще двенадцать часов в месяц бесплатно — по решению комсомольского собрания. И еще субботники и воскресники.

Завод юности. Секретарь комитета комсомола Володя Краев, собиравсь писать историю завода, подсчитал: среди рабочих — тысяча выпускников технических, раемесленных училищ, средних школ. Народ 1944, 1945 и даже 1946 года рождения. Инженеры — выпускники казенских вузов, двадцати-пяти-, двадцатшестилетние люди.

13 июня 1963 года на даярх одной из комитат заводоуправления появилась табличка: «Государственная комиссия по приему первой очереди завода».

26 июня 1963 года впервые зашумели молчащие до сих пор корпуса-гиганты. Цели, участвующие в производстве фенола и ацетона, получили пар.

29 июня 1963 года пришла вода. Ее жадно всасывали компрессоры хонодильной и азотно-кислородной стаяции.

13 июля 1963 года был подписан акт о приеме первой очереди завода.

Первая очередь сдана — стройка продолжается. Она раскинулась на сто гектаров. Один цехи уже выдают продукцию с маркой «сделано в Казани»; другие еще только строятся. Заплавываются новые фундаменты, идет монтаж оборудования.

Стройка продолжается. И тот, кто в 1958 году пришел неопырившимся юношом на голый пустырь, обудаваемый со всех сторон прозонтальными ветрами, сегодня стал опытным строителем. Вот таким, как бригада Николай Малов. Он бетонщик, кровельщик, арматурщик, плотник, каменщик. И ребята в бригаде Малова под стая своему бригадиру. Они не боятся никаких работ: роют траншеи, штукатурят, красят, ставят крышки.

Профессии осваивают с ходу, в рабочем порядке.

10 июня в 21 час бригада вышла на смену.

22 часа — кончилась бетон.

22 часа 15 минут — был поднят с постели начальный растворного узла. Начальник развел руками:

— Нет людей.

— Нет людей! Сами будите делать бетон!

23 часа — был пушен растворный узел.

Работа сами делали бетон, работали всю ночь.

7 часов — бригада сдала растворный узел утренней смене. Так родилась еще одна новая профессия в бригаде Николай Малова.

Стройка огромна. И не всякий здесь знает, чем занят другой. Многие, наверное, и не подозревали, что поблизости от них дуют и несутся в своем палаточном городке студенты университета.

Да, да, студенты. Только с начала нынешнего года здесь на воскресниках работали пятнадцать тысяч молодых ребят Казани. И здесь, уже на строительной площадке, а вечерами в общежитиях, студенты — бетонщики, каменщики, разнорабочие — готовят строитель для поступления в вузы.

А в перерыве уже идет разговор о цветах, об оркестре, о постах, которые в своих стихах должны прославлять героев. Давно ли была проблема, как добраться на тракторе на стройку, получить воду, пар и, наконец, фенол и ацетон? А теперь вот проблема постов. Но посты найдутся, обязательно найдутся. И в музее появится еще не один портрет ребятам с казанской ударной стройки. И в газетках уже будут опубликованы десятки интервью. Все это стая историей. А Саша Зимин, Надир Заллов, Анаар Даутов, Николай Малов уже штурмуют сройки пуска второй очереди завода: историю делают люди.

А мы монтажники-высотники!

Веселая пятничная бригада Юрия Митишина.

ЧАСОВЫЕ СИМНИХ

Маменька Волга. У Каспия — плавни, где флоринто езмазывает розовым крилом, набивают зоб пеликаны и с первым лучом солнца распускается лотос. Выше — стены, разрозные, как скоророда, голые острсы на десятки километров. Сменяет их лесостепь с кустарника и мелколесье, потом след за бережками подступает к берегу Волги величественная сосна, и пушистая ель стывает на жигулевских обрывах, засмотревшись в спокойную воду.

Разнолика Волга, разнолика одевание ее берегов, разнолика дома и деревни на склонах ее. Неизменно одно лишь — полосатые створы на берегах, белые и брусные кмы, что ярко выделяются на воде дым и столь же ярко мерцают вечерами. Без них ни одного километра по реке не пройди даже легкому пассажирскому судну, не говоря уже о тяжелых составах, берущих по семь и десять тысяч тонн груза.

Нет буй, отмеченного в лоции, и капитаны дают спешную команду:

— Малый! Самый малый! Стоп!

И кудаже отвечают снизу:

— Есть самый малый! Есть стоп!

Володя Воронов рвет ручку телеграфа: «Самый малый! Тысяча триста пятьдесят лошадиных сил наших дизелей, несколько рва нехота громильну, стяжик. Из переговорной трубки с громким хлопком, как из дулового ружья, вылетает пробка. Это в машинном отделении дунул в переговорную трубку ваттенный механик Юра Панкратов. Гудит, спотыкаясь на «о», низкий голос:

— Что там? Почему малый!

— У острова сорвало сьмаьдесят третий буй.

А в это время в радиотрубку врывается тревожный голос радиста судна, обогнавшего нас на несколько километров:

— Я «Волго-Дон», я «Волго-Дон!» Местер пути! У пещаного острова, у пещаного острова сорван сьмаьдесят третий буй. Иди не могу, иди не могу. Встал на якорь...

Такутся долгие ночные минуты. К голосу «Волго-Дона» присоединяется еще чай-то. Оно тоже зовет мастера пути. Над черной Волгой вскинулись линии прожекторов востроженных судов.

И наконец:

— Я мастер пути, я Алексеевский. Вас понял, вас понял. Иду к острову.

Тянет с извоной свежий зюйд-вест, разгоняет волну, с грохотом обрушивая ее на нос, перелезывает через высокие борты. Володя осторожно кледет правую рубку. Потом еще правое. Володя похож сейчас на шпироваляничка, а штурвал — на регулятор станка. Точность, предельная точность в движениях Володи. Немчи чуй развез, и наш двухсотсидесятитонный состав с места полунит такую инерцию, что уже не остановить его никемими рулями. И тогда уже неверняка выплыви на берег или сядем на мель!

Где-то слева по борту прогромихал мотор катерка, и через подмундты прямо по носу покварся его яркий огонек.

— Алексеевский пошел. Значит, якоря не класть. Парень правый! — говорит Володя.

— Самое трудное было найти сам буй, — рассказывал нам Юра Алексеевский, когда мы подняли его к себе на борт через полмаса.

— Шутка ли, найти сорванный буй в крошечной тьме! А там, за твоей спиной, уже стоят на якоря три судна и на подходе еще пять. Юрий вгля-

дывался в темноту. Прожектор катерка царилуп по веруу гребни волн. В ступолюе воды трудно сейчас было обнаружить лодку, не то что буй. Капитан катерка, держа носом на волну, выключил из стареной машины все, что она могла дать.

— Там, где должен был мерцать 73-й — пугающая темнота. Вновь и вновь скользя по воде прожектор, пока не вырывает из темноты конус буй. Его не сорвало, не снесло — он просто конус буй. Его не сорвало, не снесло — он просто конус буй. Капитан лихо развернул катер, и вот он уже — скрип металла, скрип бух о катер.

Выждет, когда волна поднимет катер ровнеь с бумом, Юрий прыгнул...

Как ванка-станька, мечется буй, вода окатывает с головы до ног. Стывает тепло, трудно, очень трудно заставить пальцы выполнять привычные движения. Отвертка пляшет в руках.

Открыт фонарь. Юрий на ощупь находит горелку, а снизу уже все ближе вереница огней, тревожный гудок передового парохода, всплывший над рубкой лух прожектора начинают оцупывать воду в поисках буйа.

Тихо присвистывая разнувавший из горелки газ. Остается только замечь его. Несколько спичек в руке, всем телом прикрыв фонарь от случайной волны, треск зажигающейся серы. Юрий резко отклоняется и закрывает фонарь. Буй № 73 вступает в строй. И, точно угадав, что происходит там, у маленькой засветившейся точки, прежде чем всплыть газ, капитаны догнми гудками приедутают мастера участка пути Юрия Алексеевского.

Когда мы подняли Юру на своей секционной состав, он сказал:

— Самое трудное было найти буй... Найти, — повторил Юрий и, помолдав мгновенье, несоридно сказал: «А ведь можно не искать. Понимаете, совсем не искать. Чтобы не было ни навалюных участков и даже капитана. Нет, вы не подумайте, что я ругаю свою профессию. Я доволю. Только ведь можно нарочно отказать от всего этого. Я вот на втором курсе мехмата учусь. Скажете, зачем бакешичку мехмат? А вот вы представте Волгу лет через двадцать, что ли. Представте: нет на Волге ни бакеши, ни бумов, ни створов. И идут по ней суда, без команд. А управляют этими судами, держат их точно в фарватере два электрических кабеля, проложенных по дну реки!»

Слушая Юру, мы невольно вспоминали Ляву Кутурмаева, капитана буксира «Лява». Он тоже мечтал, мечтал о Большой Волге. И его мечты сбьлились. Теперь пришел черед Юрияи мечтам. Мечтали — они всегда мечтали, они всегда росли...

— Дням и ночью идут караваны по великой водной артерии. Слешит вверх «байсалд, груженный углем, настрену ему, вслед за огромным плотом, который тянет едва заметный буксир, спускается вниз, к Астраханн, «Юношантор Баландирев» с деловой дрессированной. Следат караваны по Волге, и радости в своих рубках в урочный час надавет наутюшки и подует в зифир, заполненный треском помах, писком морзянки, свои позы...

А в Горьком, в просторных комнатах Управления Волжского объединенного речного пароходства, склоняются к микрофонам диспетчеры, и тонкие карандашные линии на сложном графике отмечают путь грузовых судов. Вот дорриве съезав Василий Захаров, начальник отдела диспетчерской службы, недавний выпускник Горьковского речного

Если милый НЕ СМЕЕТСЯ...

го института. Его задача — сократить порожние рейсы, каждому судну определить порт погрузки и место следования. По адресам Василия Захарова суда держат курс.

...Работает Волга. Песок, гравий для железных дорог и бетонных заводов, лес, бумага, целлюлоза, картон, станины из Горького, тракторы, автомобили, велосипеды шины, череповичей металл, текстиль, точное оборудование в контейнерах — можно до бесконечности продолжать список грузов с/годназшиной Волги. И в сухом этом перечне

отражается жизнь приволжских городов и сел, жизнь страны!

Работает страна, работает Волга, обеспечивают обстановку ее часовой. Вся река, как огромный механизм, большой и сложный...

И одной из важнейших деталей этого механизма уже стал «Комсомольский промотор», который возглавляет Василий Захаров. Как много лет назад отряды легкой кавалерии, выходят сегодня в рейды отряды «КП». Вот что они сообщают.

«Сейчас лет назад в Ставрополе на Волге начато строительство клуба речников...»

— О, какой прекрасный памятник старинный! К манову вету он относится? К пятидесятному?
— Нет, к двадцатому...

БУФЕТ

Соль грузят — щепки летят.

«Свежие газеты доставляются на суда с большим опозданием...»

«Суждения черпают из забытых газет...»

Ювелирная работа...

«Некоторые приставы вообще выпалили изпод носа... руководителей Волжского пароходства... поджигают и рушатся слав. дрездуют дебаркадеры. того и гляди, понесет их и Астрахани...»

Тихая пристань.

«Много раз принимались постановления о категорическом запрещении торговли водной на теплоходах, но...»

— Из лимонадов у нас есть только «лимонная».

...Тихий вечер спускается на Волгу. И словно бы мятеж, лиричные становятся гудки пароходов, и дуть, оставаясь, дышит медлительно и томительно. Где-то вспыхивает огонек над водой, словно первая звезда. И далекая песня, простая, задушевная песня потекла по реке. Наш теплоход зажигает бортовые огни. Словно бы в ответ, такие же

огни вспыхнули позади, на «Байкале», и впереди, на редкой веренице судов. По-прежнему напряженно работает Волга, но песня как бы приглушает привычно резкие звуки. И не слышишь, не обращаешь внимания на работу двигателя, чувствуешь только эту песню над тихой рекою и тянешься вперед — увидеть, откуда она...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Олево! став — имя этому концертному залу. Да и песню поют не профессиональные певцы, а девочка и ребята с костромских фабрик и заводов — Костромской самодетельный народный хор, выступавший сегодня в судисавальском колхозе.

Вечерем тумано заныла песня. Сильный прерывчатый голос самозабываю поведя мелодию, а чуть погодя влился второй. И вот уже идут согласно, по одной стезе. Ведут песню две невысокие темноволосые девушки в строгих старинных костюмах: восемнадцатилетняя Тана Денисова, работающая ткацкой фабрики, и педагог Лариса Артамова. Поют, глядя в угасающее небо, серебряной звонью плещутся ясные девичьи голоса, подымаются высоко-высоко, и будто в Волгу притоки, вливаются незаметно в мелодию подголоски. А дирижер Юрий Рыбников ведет песню дальше. Он знает ее всю, каждую ноту, от начала до конца: ведь он ее автор.

...Славно поют девушки: одна — высоко, радостно, другая — низко, радужничко. И Беззубов подпевает им Ольга, подпевает одними только губами. Подпевает, уявленная близкой, знакомой с детства мелодией: ведь в нее влились негромкие ноты народного песен, что приплыли напевы, от которых встает перед глазами дом, притаившийся в тени плакущей березы, да жаркое поле, залитое нестерпимой синью цветущего льна.

Дирижер повернулся — наметился строгий, энергичный профиль, и Ольга узнала его...

Тогда был жаркий полдень, только не было цветущего льна. Лен отцвел, и Ольга с подруж-

ками выстлала зеленовато-желтые стебли, длинные и легкие. Оттуда-то подошел незнакомец в городском костюме и попросил разрешения по-работать вместе.

Скинул куртку, работал с непривычки тяжело, кланялся земле, часто останавливался. А когда Ольга завела протяжную, одной только ей знакомую песню, он внезапно распрямился и забыл про... И уже не было на свете ничего, кроме этой мелодии. Тогда она и родилась песня о Костроме.

...Как волжский ветер, летит песня, но сдержанно и строго Рыбников ведет хор, слушаясь в звучании голоса, сливающегося в единую мелодию. Все знакомо, а теперь будто узнается заново.

Страна лесная да дымная...

Лыжня!.. И снова вспыхнули перед ним синие-синие, как цветущий лен, глаза девочки из-под Судиславья, — звали ее, кажется, Ольгой.

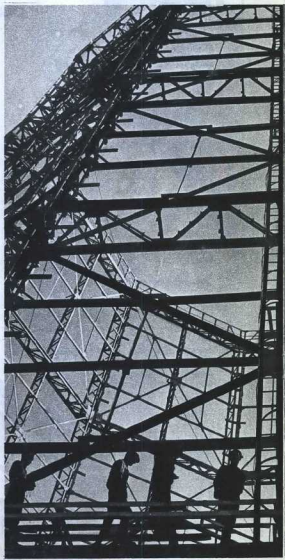
Песня летит над полевым станом, влывает на притихшим людям, над лесами и гудами приволжскими, возвращается обратно:

В дымах заводов, в золоте оководов
Тенишь ты, волжская родная сторона,
И песня льется,
И тебе дается,
Любимый город, город Кострома!

Смолк хор. Игновенно стояла настроенная тишина. И вдруг всплеснулись над станом оплосцименты. Рыбников повернулся и неожиданно встретился взглядом с синими-синими глазами Ольги. И поклонился. Он вернул ей песню.

ОДИН

стались за кормой, растворившись в вечерних сумерках, голубые огни Костромы. А песня эса звучит над Волгой — свободная, сильная, чистая. И не угадать отсюда, с середины реки, из рулевой рубки, кто поет. Только радостно на душе от этой песни. Радостно быть гостем в праздничном доме. И в эти дни эса Волга была им. Она говорила с востра Валентины Терешковой.

Готовились и мы. Эса в низовье реки график движения нашего состава был час в час подогнан ко дню прибытия Валентины в Ярославль. Начальник Волжского пароходства Константин Константинович Корюнов поклялся ко что бы то ни стало доставить ее к нам на судно, когда Валя будет совершать прогулку по реке.

И вот наконец Ярославль, ночной, безмолвный. Спят девочки, и снится им, как ведут они космические корабли к Луне. Спят парни, влюбленные заочно в первую космонавтку. Спят в гостиных солидные дяди и тети, доставившие Терешковой из других волжских городов приветственные адреса и подарки.

Мы стоим на ночной палубе и молчим. Потому что лучше не говорить, лучше молчать: бывают же такие разговорские неудачи! Мы пришли в Ярославль на двое суток раньше. Старший механик Слава Назаров разводит руками.

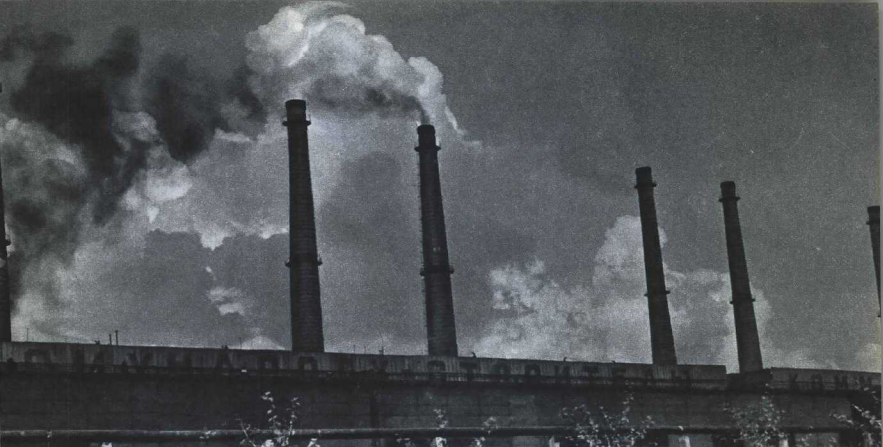
— Черт-те что случилось с машинками Жмуг,

как бешены! — оправдывается он. «Я, мол, не я, и машина не моя. Но мы-то знаем, что случилось с машинками. Мы-то знаем, что на одной из стоек Слава поставил винты полтора в крессон и четыре часа подряд их вылазал из этого крессона, разворачивая лопасти винта. Через четыре часа он появился на палубе с посеревшим от усталости лицом. И вот результат: ход судна прибавлен. Мы спланировали график на двое суток.

— У нас сейчас лучшая на Волге скорость», — продолжает Слава. — Опять же коммунистические обязательства...

И на ночной палубе разделяет взрыв смеха. Сидит Володя Воронов, смеится шутрам, радост, боцман. Мы тоже смеемся. Ну да, ну, конечно, обидно, что не удалось встретиться с Валентиной Терешковой, рассказать об этой встрече читателям. Но эса покуда не вылазал из этого крессона, разворачивая лопасти винта. Через четыре часа он появился на палубе с посеревшим от усталости лицом. И вот результат: ход судна прибавлен. Мы спланировали график на двое суток.

Медленно уплывает назад набережные спящего Ярославля. Через два дня эса в небо взвоятся ракеты, грянут торжественной медью мшрши оркестры. Город будет встречать перлону в мшре космонавтку. Нам не быть на этой встрече. Волга работает. Волга перевыполняет планы.

ЕДИНСТВЕННЫЙ КУРС

и поднимаемся вверх, к Череповцу,— это последний этап нашего плавания.

На рассвете нам дает «добро» диспетчер, мы входим в Рыбинское водохранилище, и перед нами расправляется вода, земля, небо в исконном, вечном и неизбывном раздолье своем, чистой зыбкости своей.

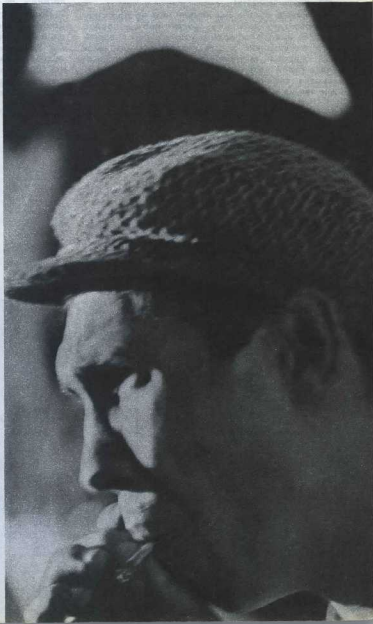
Еще один поворот — и мы замираем от неопределенности: проради воды, на всколмье — полуразвалившаяся часовенка, а вокруг — заснувшая Волга. И в памяти встает левитановское «Над вечным покоем».

Но недолго длится эта картина, вернувшая нас куда-то в бездну веков, к вечному, сонному покою крестьянской, убогой Руси. Снова поворот — и, как взрыв, как нацеленные вверх жерла орудий, встают колонны труб Череповецкого металлургического...

Там комсомольская стройка. Там день и ночь комсомолия плавит металл. Нет вечного покоя — есть великое беспокойство людей, строящих новый мир. Над чернотными лесами и плесами — трубы Череповецкого металлургического комбината, как символ нового дня Волги, нового дня Страны Советов.

Есть что-то символическое в том, что здесь, в верховьях древней Волги вспыхивают сегодня короткие бегряние сполохи, и брызжащие ручьи чугуна и стали по желобам сливаются в реку Большого Металла — того металла, которому стать Ульяновскими станками и кубышевскими турбинами, горьковскими автомобилями и волгоградскими тракторами, того металла, которому всплывать волжскую воду винтами судов. Есть что-то символическое в том, что среди действующих цехов и служб Череповецкого металлургического тут и там закладываются фундаменты, растут новые корпуса в переплетении арматурных каркасов, разворачиваются краны, и флаг Всесоюзной комсомольской ударной полочется на волжском ветру.

С дельты до самых верховий молодые парни и девушки бок о бок со своими отцами и старшими братьями ставят города и варят сталь, ловят рыбу и превращают в пашни заснувшую

Мастер Владимир Сереев.

Бульдозеристка Нелли Баженова.

степь. От дельты до самых верховий звучит ныне песня молодости: «Сегодня мы не на параде, мы к коммунизму на пути...».

Десятки людей прошли перед нами за время плавания. Мы приглашались к ним и все мечтали выбрать одного лишь или одну, сфотографировать крупно и под снимком поставить: «Хозяин Волги». Мы встретились под Астраханью с Василием Глушечко и сразу согласились: он! Потом в раскаленной степи увидели Вару Кузнецову и решили: она! Потом на борт «Журыла» «Смена» поднялись мечтатель-банежник Юра Алексеевич и молодой конструктор Альберт Ляблинков со своими товарищами, и мы снова подумали: они!

И вот — Череповец, комсомольская ударная... Вот молодой коммунист, мастер «Мартенстро» Владимир Сергеев, бульдозеристка Нелли Баженова, члены бригады комтруда во главе с заслуженным строителем РСФСР Михаилом Ильичом Томилиным...

Но кого выбрать?

И в конце концов мы поняли, что не под силу фотообъективу дать хоть сколько-нибудь полное представление о молодом хозяине сегодняшней Волги, невозможно в сотую долю секунды вместить вневременную упорную борьбу за досрочный вход в строй новых заводов и фабрик, за сверхплановые тысячи центнеров рыбы, сотни тысяч тонн чугуна и стали. Нельзя ограничиться просто

снимком, нельзя, чтобы за кадром оставались грандиозные свершения, а без них всегда неполным будет образ, и не воплотил бы пробы ни необычным ракурсом, ни искусством фоторепорта. Увелич мастер, дерзкий мечтатель, трезвый экономист, но прежде всего и раньше всего — ровесник своего века. Вот он какой, сегодняшней хозяин Большой Волги.

Мы подходим к причалам Череповца. Плавание закончено. Наш капитан Володя Воронов тянет ручку гудка, приветствуя город юности. С соседних судов тоже звучат утренние гудки. Они несутся по воде, уходят в Заволжье, трижды повторенные эхом, возвращаются, усиленные. И вот уже все берега, словно большой оркестр, настроиваются на лад Волги, на лад реки бунтарей и мечтателей, подвижников и революционеров.

Можно каждый день встречать солнце над Волгой — и не насмотреться на его восход.

Можно каждый день слышать утренний голос ее — и не заслушаться.

Можно знать до последней строчки песни ее, легенды ее — и они не искушат тебе никогда. Потому, что река эта несет на своих волнах историю твоего народа, жизнь твоего народа, традиции его революции. Не забыть их, не изменить им. Здесь молодость, опыт, борьба, жизнь твоих дядов, твоих отцов — твоя молодость... Мы борцы. Для нас нет средних путей, а единственный курс — коммунизм. Мы строим коммунизм, нам жить при коммунизме.

Гвардейцы комсомольской ударной — бригада коммунистического труда заслуженного строителя РСФСР Михаила Томилина.

**КОМСОМОЛЕЦ
КАСПИЯ**

**Молодой
ЛЕНИНЕЦ**

**Волжский
КОМСОМОЛЕЦ**

**Ульяновский
КОМСОМОЛЕЦ**

**КОМСОМОЛЕЦ
ТАТАРИИ**

**ЛЕНИНСКАЯ
СМЕНА**

Репортаж вела бригада журнала «Смена» в составе: корреспонденты волжских молодежных газет Виктор Шнигаренко [«Комсомолец Каспия», Астрахань], Иван Данилов [«Молодой ленинец», Волгоград], Иван Кириченко [«Волжский комсомолец», Куйбышев], Владимир Пырко [«Ульяновский комсомолец», Ульяновск], Юлия Колганова [«Комсомолец Татарии», Казань], Валерий Лаврук [«Ленинская смена», Горький] и спецкоры нашего журнала Людмила Герасимова, Виктор Левашов, Василий Мшин, Мирослав Мурашов, Геннадий Новожилов, Федик Родионов, Виктор Сакс, Евгений Соколов.

Альберт МИФТАХУДИНОВ

Этого невзского паренька в унтах знают во многих поселках Чукотского национального округа — он специальный корреспондент газеты «Советская Чукотка». Комсомольцы округа знают этого паренька и как члена бюро Чукотского окружкома ВЛКСМ. Зовут его Альберт Мифтахудинов, а маме — просто Алик. С блоком журналиста и комсомольского работника Алик за четыре года после окончания Киевского университета успел исколесить всю Чукотку. Труднее это дороге — на собачьих упряжках и колесных вельботах, на тяжелых «МАЗах», пробивающихся к заполярному руднику, и на зеленых крылах «Анчицках», доставляющих грузы в дальние стоблища оленеводов.

Север, его природа и люди не могут оставить равнодушным ни одного человека. Вошла Север и в творчество Альберта Мифтахудинова. Рассказ «Я привезу тебе кактус» — первый литературный опыт молодого чукотского журналиста.

Я ПРИВЕЗУ ТЕБЕ КАКТУС

РАССКАЗ

П а берегу вылаются черные водоросли. И море, и воздух, и брезентовая куртка, изодранная в клочья ящиками с шампанским, — все пропитано запахом водорослей.

Дорога с палатками на берег — пустая. Две доски, дружиницы, как сетка койки, да от берега к складу тронка. Нещего идти — пролибает пот. Поскользнешься — упадешь в море. Искупишься — не беда, шампанское жалко. Вот почему с моряками сапогами к дощатому трапу — никого.

Юрка осторожно поставил ящик. Втянул носом — ах! Спайонка и пошла по столбецким лод, логам, водорослям к диспетчерии.

У диспетчерской — торговая аристократия: матросы с танкеров, «Игнатьевские дуся», — подумал Юрка.

— Салют, дуся! — Юрка козырнул. — Привет передникам труда! Как перекручивается?

— Как и работается. Сам ты дуся.

— Ну-ну, работается, — передрался он. — Разлегтись, как сто моржей на лежбище.

— Мы свое отработали...

Юрка, громкая сапогами, избежала на верхней этаж.

— Юрка! Я отшибанна! Оттукс в кармане. Что привезти из Янты?

— Кусок Черного моря. Можно в бутылке. Только не вылей по дороге.

— Брось... море невкусное... Я привезу тебе розу. Говорят, есть черные розы. Черные, как Черное море.

— Сам ты черный.

— Я чумазий. — Юрка схватил ее в охапку. Подвес к окну. Она прижалась губами к его шее.

— Куптенко! Куптенко! — крикнул он вниз. — Хочешь, я подарю тебе Нюрку! Принимай! Брось в набежалую волну!

— Давай, Юрка! Довало! А то она сегодня только раскомандовалась! Юрка посадила притихшего диспетчера на дощонки. Поправила ей волосы.

— Я отчаяваю в бандо. Визит, чумазий, как сто чертей на грязевом курорте. Проводы вечером. Ага!

— У тебя же вчера были проводы...

— Вчера — это бригада меня провожала. А сегодня ты. Думаешь, легко уезжать в теплые страны, оставляя такую королеву? — Он поглядил ее по щеке и засмеялся.

— Эх Юрка... врешь все. Самому, небось, загорать, ой, как хочется. Кого за себя бригадирить оставляешь? Куптенку?

— А кого же? Навигатора, королева, времечко то еще! Спи да огладывайся!

Жиз Юрка на кухне. Это привягнетя. Еще когда жена была, выделали ему отдельную кухню как лучшему бригадирю и семейному человеку. Все в обшектини — по пять коек в комнате, а у него отдельная кухня. Со всеми удобствами.

Начальник порта сказал:

— Будешь пока в кухне жить. Все-таки отдельно. Пока строители план не выдают. Тогда комнату поучишь.

— Кухня — это дурен, — ответила Юрка. — Я и в палатке и в яранге жила. С милой и на кухне рай.

— А вместо рай получался ад. Не выдержала Иля — уехала на материк. А потом ревзд, «Эх ты, Инесса-баронесса...»

Горевал Юрка. Зачем горевать, если всему конец? Забыть надо! Надо,

Рисунок А. БАБАНОВСКОГО

правильно. Только забить было трудно. Понаचाх. А теперь, в общем-то, легко. Норка — королева. Королева из беспринцип, как и Юрка. Жизнь знает. Ее кухня и дефицит культурозащитных не испугает. Знает: кому же на Чукотке жизнь налаживать, колы и она сбьют? Хоти и другие края есть. И Черное море тоже. Ведь у Норки есть бабушка жевка. Никого нет, а бабка, представляя, живет у самого синего Черного моря.

— Смотри, какие передо мной виды... — Юрка показал фотографии на печ. — Если на плите положить этот лист фанеры и закрепить его на подоконнике, то получается шикарный диван — постель для Кутитенки. А койка моя. Сядешь на койку. Табуретки мои выросли: и так гасно. Хочешь — сиди на койке, хочешь — на плите. Не нравится — иди на подоконник! На каких тебе удовольствий. И пить можешь прямо из бутылки, которая закупорена старым лярвическим письмом...

— Инкина, небось, писем?
— Ага. Да ты не думай ничего. Оно старое.
Оно очень старое. Ему сто лет, как и Юркиному прошлому. А может быть, ничего не было: ни прошлого, ни Ивессы, ни писма в бутылочном море!

— Все это очень сложно, Норка... Тогда я был юн, как сто юнг, уколпичи на парусниках к Медгаскору... А за синюю у меня уже была колония. Инка спасибо: и через книги совсем все старое забавно. Знать бы, лодочку на верхнем посылке? Так это все мои книги. Я давно прочитал их. Отдам: некуда просто девать. Инка потом даже раскваше стала к книгам. Ну, и... когда мы сошлись характерами, пошам в загс...

— Не пей, Юрка, хвяти.
— Ладо, подожду. А когда уезжала, тошмо было. Отшавалка два года посла институту — и жизни коней. Я даже сабинку даа — уговаривала. Говори: и без тебя, как лода, выброшенная на песок, как сто парусников, накрытых шталам в океане. Молача.

— Ты общала не пить сегодня больше, Юрка.
— Ага — Он закупорил бутылку — Оставь, говорит, свою гауптну маневру разговаривать. Если хочешь — едем со мной. Это я-то на припече у бабы!

— Не любия, значит. Мог бы и пожать.
— Эх, Норка! Самая первая сна старого причала тут моя. Я работал же, когда баа еще под паромом. Вот тогда бы умчался с мильям удальствами! А теперь ковыльные равно нет... И я не хочу уезжать... Мне,

как человеку, столько же лет, сколько посуку и нашему порту, где все есть. Я сегодня сентиментален, как сто старух. Но я хочу, чтоб мои дети увидели, что сделано здесь, в крае, которыми раньше гугали... Наши с тобой дети, Норка.

Утром Юрка уезжал Юрку к аэропорту.
— На полгода? — спросила Норка.
— Я не виноват, что у нас такие большие отпуска. И я устал несложко. Мне хочется туда, где днем — день, а ночью — ночь. Где зима — только зимой, в летом тепло. Где все правильно.

— Случно.
— Что?
— Когда все правильно — случно.
— Может быть... А что тебе нравится из Латы, Норка?
— Кусок Черного моря. Можно в бутылке. Только не вылей по дороге.
— Я привезу тебе розы. Говорят, эти черные розы. Черные, как Черное море...

* * *

— А кто меня будет охватывать мероприятиями? — спросила Юрка в санатории у первой женщины в белом халате.
— Кто? Не волнуйтесь, охватим!

— Ты... — Юрка подумал, и отгизмился на пляж.
Хорошо на курорте, только жарко. Не нравиш Юрка. А в остальном ничего. Море. Пляжко на свежем воздухе. Кинофильмы каждый день новые. Даже театр есть. Гороа как и полагается. Материк, ничего не скажешь. Все цветет и благоухает. Двадцать колд. Медаведем Юрку называют. Отстаа от цивилизации, поворо...

— Я не отстал, — отвечает Юрка. — Я просто очень долго собирался в отпуск. А перед отпуском, чтобы выглядел цивилизованным, тренировался месить. Сам себе наступал на ноги и культуру извинялся. Вот так.

Ааа Купитово телеграмму: «Черное море мое». Совсем как матрос с «Кометы». Есть юнк такое, неважножко.

А море пахнет, как на Чукотке. Все море, наверное, пахнут одинаково. От этого запаха скребет Юркино сердце тоска. Север вспоминается.

Случно в санатории. Солданы люди, а на зарядке, как дети, хором кричат: «Солнце, воздух и вода — наши главные друзья!» Кричат рано утром, спать не дают. Юрка на зарядку не ходит. Из принципа. Чтоб никто не видел его в толпе кричащих. Однажды не выдержал. Когда начали: «Солнце, воздух и вода...» — он высунулся из окна, выкрикнул:

— Наша главная еда!
Беседа с главным врачом была короткой:

— Вы, товарищ отдыхающий, не хулигайте больше, нехорошо.

— А каравай, каравай, кого хочешь выбирай — хороши! И какой я вам, к черту, отдыхающий. От чего отдыхающий? Неважножко никто да не может быть отдыхающим, даже на самом раскрепощенном отдыхе!

Утром Юрка получил от Купитово телеграмму:
«А Берингово море наше поправляется накаливая жиры делах не волнуете держит третью навигацию сна да оладываясь привет латинским дельцам куда поладует от Юркиа лево рукав точка Купит».

— Что надо... Третье место... хмыкнул Юрка и пошел на телеграф. Даа ответ: «Я тебе дам лево рукав точка Яттинские девочки обещают отоварить тебе голову за третье место тчк я и на радостно помогу сок Черноморский, привет Юрка».

Ночью Юрка сидел на берегу и дышал запахом моря. О чем он думал? Так, ни о чем. Просто шырлял в море один за другим окурки. И гадал, как перемигиваются на рейде корабли. Море выбрасывало на берег Юркиным окурки. Правильно, море не уба.

Все море на планете пахнут одинаково.

А в небе висели звезды. Южные звезды. Крупные, как мужские слезы.

— Не папела Юрка черной розы. Говорит, не сезон.
Саушай, дорогой, зачем тебе роза? Возьми, пожалуйста, кактус. Кактус — более кожая цветок, — сказала Юрка жулички брикет из цветочного магазина. — Он живет сто лет, как настоящая любовь!

И Юрка решил: «Ну, конечно! Я привезу в Анадырь кактус! Он живет сто лет. И у Норки будет сто рассветов и сто закатов и столько же встреч и разлук... А я буду у нее один. Да, я привезу ей кактус...»

Юрка погрязал чмодами в такси, когда к нему подошла гаварач саанатория.

— Что ж это вы, товарищ отдыхающий, не отбыл всего срока, уезжаете?
— Свой срок я отбыл много лет назад, — засмеялся Юрка.

Главный пожал плечами:
— Все люди как люди, соблюдайте режим, процедуры...
— Случно! — отрезал Юрка.

— Что, случно?
— Все случно! Одна из ныне царствующих королево говорит: если всегда правильно — это очень случно. Мне не нравится, что у вас летом тепло, а ночью тепло. А у нас ночью — солще! И морем командуе королево!

— Какая королева?
— Такая! Вот это выдала?! — Юрка вытащил из кармана консервную банку, набитую мокрыми опилками, с змееной головкой колючего цетика.

— Кактус...
— Вот именно! Привет отдыхающим!

Все самолеты на Москву из Симферополя уже ушли, и Юрка поехал на вокзал. До отхода поезда осталось полчаса. Он дал Норке телеграмму, сулка в карман два бутылки пива и пошел на перрон.

Перрон как перрон. Ничего особенного. Все обнимаются и говорят на прощание всякие нежности.

«А меня вот никто не провожает», — подумала Юрка. И ему захотелось сейчас же, немедленно, увидеть Норку, Купитово, рейбу.

Рядом цолавались. Девчонка ревели. Юрка разозлился. Обидя проводницу, чмокнул ее в щеку и, подхватив чмодаев, полез в вагон.

Чукотка,
п. Анадырь.

И над эстакадой,
Кажется нам, краны поднимают
паруса!

Фото С. ПЕТРУХИНА

«Инженер играет на гитаре» — так называется песня о хорошике парне Алеше Марчуче. О романтике, воплощенной в сибирских просторах. Кто же такой Марчуча? Алеша Марчуча живет и работает в Братске. Он приехал на стройку семь лет назад, сразу же после окончания Московского инженерно-строительного института. Почему столичному «наезднику» на баран у берега Ангара? Сам Алеша на этот вопрос отвечает так: «Каждый инженер должен мечтать о такой работе, о таких масштабах, о такой технике, о таких темпах, о таких возможностях, как в Братске». И возможностями, которые дала Марчуче стройка, он воспользовался полностью. Вскоре Алешин помощник репутацию знающего, инициативного инженера.

«Несколько часов подряд на техническом совете обсуждался проект перекрестка Ангара. Трудно обуздать такую реку. Спорошь технику при перекрестке, но подметают гидротехником, должна была войти до 8 метров в смину. Нужны бетонные пирамиды или садковые бляхи весом не менее 18—20 тонн, иначе снесет течение. Как построить мост, какими сделать его опоры, чтобы выдержали они страшный напор воды, десятки машин с многотонным грузом, смогли бы противостать зимарскому ледоходу? Авторам проекта — известным московским проектировщикам — предлагали установить мост на огромные деревянные ящики нагруженные бетоном и вверенные в две трубы. «Все в этом проекте правильно», — сказал главный инженер Гемдан — но очень уж работы трудоемкой и дорогостоящей. И тогда Алешин предложение: «А что, если обойтись без ящиков, ограничиться только трубами? Работы нужно раз в десять меньше, бетона — в тридцать, леса совсем не нужно. Строй объект сокращаются втрое». «Лед просто слизнет такой мостик», — сказали строим поддирал Алешу и его друзья: «Пусто подсытат запаса прочности и разработают предложение в чертежах».

На следующее совещание Алешин пришел с точными расчетами и ипой чертацией.

Два миллиона рублей экономии, простота работ, короткие сроки строительства убедили самых строим оппонентов. Каждый вечер в его просторной наквартире собираются друзья. Наташа готовит сибирские пельмени и крепкий чай. Здесь горячо спорят о мизин, о времени и о себе. Читают любимые стихи. А потом Алеша берет в руки гитару и поет. Он вместе с товарищами — молчаливыми инженерами — поет о строителях линии электропередач, о тех, кто первым идет по непроходимым топям, крутым вершинам, древесным таежным дебрям Сибири. Им трудно, но они счастливы. Счастливы потому, что они первые, потому, что они приносят счастье другим.

Таких, как Алеша, в Братске тысячи, и поэтому можно считать его собирательным образом, хотя и есть такой человек...

Узнав историю песни об Алеше Марчуче, мы пригласили в редакцию ее авторов — композитора Алексанру Пахмутову, поэтессу Николу Добрынюкову и Сергея Гребенникова. Они познакомили нас с индига еще не опубликованными песней «Марчуча играет на гитаре», и теперь ее поют и насматывают все редакции. Наверся, что и вам она тоже понравится.

Когда этот номер был уже подоготовлен и печатан, в Москву приехал Алеша. Он попросил показать ему материал, а прочитав, рассердился: «Это все не о том! Писать надо о Юле Михайлове, Саше Букрееве, Юсте Пуликове, Володе Фридрише, Ардаме Норокове, Нене Воробьяниной, Носифе Вильховском. Вот настоящие ребята! И вообще надо побольше писать о Братске!» Мы согласились с Алешей. Но все же песню о нем решили напечатать.

ИДУТ ПО ЖИЗНИ

МАРЧУК ИГРАЕТ НА ГИТАРЕ

Музыка А. ПАХУТОВОЙ

Слова С. ГРЕБЕННИКОВА
и Н. ДОБРОНАВОВА

Жизни не искал ты лесковой да гладкой,
И теперь припомнить вправе мы с тобой
Перую палатку,
Перую палатку,
Выюги над замерзшею, над дикой Ангарой...

А иныче построенный Братск легендарен,
И кагер по морю плывае...
Марчук играет на гитаре,
И море Братское поет... } (2 раза)

Жил ты, друг и брат мой, в Братске
так, как надо,
Пел про бригантину, верил в чудеса,
И над эстакадой,
И над эстакадой,
Кажется нам, краны поднимают паруса!

А птицы летят и летят над плотинной,
И солнце над морем встает,
Ник годы, ни выюги его не состарят,
Мечта с ним по жизни идет...
Марчук играет на гитаре, } (2 раза)
И море Братское поет...

Марчук поет про бригантину, } (2 раза)
И море вместе с ним поет...

Все у нас сначала, сколько б ни прошли мы,
Будет вновь в тайге морозная зима...
Там на Усть-Ильме,
Там на Усть-Ильме
Все начнется снова, словно молодость сама!

Тайга его ярый характер известен,
Зовет его в путь Усть-Ильм...
Идет по жизни он — и песик,
Как чайки, кружатся над ним... } (2 раза)

Ник годы, ни выюги его не состарят,
Мечта с ним по жизни идет...
Марчук играет на гитаре, } (2 раза)
И море Братское поет...

Музыка А. ПАХУТОВОЙ

Жизни не искал ты лесковой да гладкой,
И теперь припомнить вправе мы с тобой
Перую палатку,
Перую палатку,
Выюги над замерзшею, над дикой Ангарой...

А иныче построенный Братск легендарен,
И кагер по морю плывае...
Марчук играет на гитаре,
И море Братское поет... } (2 раза)

Жил ты, друг и брат мой, в Братске
так, как надо,
Пел про бригантину, верил в чудеса,
И над эстакадой,
И над эстакадой,
Кажется нам, краны поднимают паруса!

А птицы летят и летят над плотинной,
И солнце над морем встает,
Ник годы, ни выюги его не состарят,
Мечта с ним по жизни идет...
Марчук играет на гитаре, } (2 раза)
И море Братское поет...

Марчук поет про бригантину, } (2 раза)
И море вместе с ним поет...

Все у нас сначала, сколько б ни прошли мы,
Будет вновь в тайге морозная зима...
Там на Усть-Ильме,
Там на Усть-Ильме
Все начнется снова, словно молодость сама!

Тайга его ярый характер известен,
Зовет его в путь Усть-Ильм...
Идет по жизни он — и песик,
Как чайки, кружатся над ним... } (2 раза)

Ник годы, ни выюги его не состарят,
Мечта с ним по жизни идет...
Марчук играет на гитаре, } (2 раза)
И море Братское поет...

Для соло

Для ансамбля

ОН И ПЕСНЯ

В названии этой стихотворной подборки — ее главная мысль. Диалог поэтов разных поколений не случайно назван разговором бригад. Читатель убедится в этом, познакомившись со стихами, которые мы здесь публикуем.

РАЗГОВОР

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

ИЗ КНИГИ «О НАС»

На больших и малых стройках,
В северных и южных зонах,
Парни в клетчатых комбинках,
Девушки в комбинезонах,
С вами ем в столовых кашу,
Обсуждаю план бригады
И выдерживаю ваши
Синусоидальные взгляды.

Что за старый черт внештатный
Что он имеет, что изобрел
То с улыбкой непонятной,
То, насуля брови, ходит,
Что ж, признаюсь вам по чести:
Ваш народ полюблен мною,
Только, если идете лесом,
Проходите стороной.

Современники аш и предок,
Решолюши ровесник,
Из боев и ягилеток
К вам являлись я и в песнях,
Приезжаю на легучее,
На попутном самолете
И порой даю вам взбучку,
Просто чтоб не забывались.

Очень нужно нам — ведь правда —
Разбираючись друг в друге,
Каждого, как косонозата,
Крутануть на центрифуге,
Не прошу я синусоидальн,
Принимаю взлом смело,
Жизнь и наше поколение
Покрутила, повертела.

Хоть и легче вслед идущим,
Важно, что мы в главном схожи
И равны перед гражданин.
Это мы, отцы и дети,
Будем строить, будем спорить,
Только никому на счете
Не удастся нас расветить.

М. СВЕТЛОВ

ПЕСНЯ О ПЕСНЕ

Кто к нам приходит вновь и вновь
В труде и на досуге!
Конечно, песня и любовь —
Две верные подруги!

Идем в простор страны своей
И не по дорожке узенькой,
И нашей дружбы нет верней,
Ведь песня — разговор друзей,
Положенный на музыку.

Жить невозможно, не любя —
Таков закон чудесный!
Любима! Прощу тебя,
Всегда будь рядом с песней!

Идем в простор страны своей
Не по дорожке узенькой,
И нашей дружбы нет верней,
Ведь песня — разговор друзей,
Положенный на музыку.

Проходит песня свой маршрут
И всем приносит счастье:
Ведь и альпийские поют
И воинские чаши.

Идем в простор страны своей
Не по дорожке узенькой,
И нашей дружбы нет верней,
Ведь песня — разговор друзей,
Положенный на музыку.

Идем с друзьями много лет
Одной шеренгой тесной,
И если даже рифмы нет,
Мы все равно, как песни!

Идем в простор страны своей
Не по дорожке узенькой,
И нашей дружбы нет верней,
Ведь песня — разговор друзей,
Положенный на музыку.

П О Э Т Е С С А

Ярослав СМЕЛЯКОВ

Такого места просто нету
я краю метельных русских зим,
где б не висела стеногазета
с названием собственным своим.

Ее найдешь на месте видном,
слегка поближе уюгу,
в любой артели индустриальной,
в любом заштатном гараже.

И даже там, где скрупуло
общественная жизнь идет,
она выходит все же к датам,
хотя б четыре раза в год.

...Уже у нас в пути помалу
сложилось общее житье,
но все чего-то не хватало,
пока не поняли: ее.

Чтоб стеногазета молодежной
наполнить и украсить лист,
нашлись политикн, и художник,
и раздельный юморист.

И незаметное то око,
что через местную печать
готовило к срочу и бел с срока
разоблачать и обличать.

Все сочинять взялись проворно,
всех обула жажда дел.

мы знали только, что шевело
она на фабрике была.

И что почти весь век короток
там, на окраине Москвы,
жила как будто бы у тетки,
пенсioenерки и вдовы.

Одни и те же юбки шила,
ходила в клуб потанцевать
и вдруг отчаянно решила
иглу на стройку променять.

Но это нас не умилило:
ведь все таким были тут,
и все, раздумывая мало,
сибирский выбрали маршрут.

Но вот, тетрадь в обложке белой
расположив перед собой,
она, уже волнуясь, села
за шаткий столик боковой.

И все мы по своей охоте,
так незаметно, как могли,
чтоб не мешать ее работе,
посторонними, отошли.

Совсем приткнуло обложку,
погас ирландичко огонь,
лишь еще слышно, по кантыю,
вела мелодию гармоню.

Вот только словом стихотворным
никого, и несчастно, не владел.

А ведь тревожные кипенья
народа юного того
так и рывались в стихотворенье,
певица просило своего.

Вот тут-то кстатн и случилось,
что, нефраксия и бедная,
полустеснясь, объявилась
неггерно девушка одна.

На эту нашу поэтессу,
забыв на время юмор свой,
мы все глядели с интересом
благожелательной толпой.

Нюхля вагононо сямьено,
кормясь из общего котла,

Старательно, как на уроке,
сидела девушка вдали,
Но вот уже явилась строин,
заторопилась и пошла.

Встреча радостно и смело
шла, идущие чередой,
она заметно хорошеела
над каждой найденной строкой.

Она писала жарко, с ходу,
не исправляя ничего,
пуская не для всего народа,
а для вагона одного.

И весь вагон, как по заданию,
утихомирившись пона,
с нелицеперным ожиданием
следил за ней издалека.
Поезд «Москва—Вратис».

О Р Д Р У З Е И

В. САВЕЛЬЕВ

РОССИЯ

Простирая к заоблачной сини,
никого и ни в чем не вник,
Белозубой улыбкой России
облепят берега меня.
Все стройней,
все прекрасней,
все гуще
к нашим дням
от минувших веков...
Не они ли таким добродушьем
наделили моих земляков!

Николай ТАРАСОВ

Я ВИЖУ ПАМЯТНИК ЕМУ

Он здесь стоит,
как нарастае света.
Картелью речей опаленный рот.
Пиджак отшат
крутым напором ветра,
рука призывно
брошена вперед...
За годом год.
И снова
скалы голубоватый пьедестал.

Рука — в полете,
И в полете слово.
И грохот моря метрах в пятистах.
И никого.
И только много неба.
Таким я вижу памятник ему.
А за спиной
поля простого хлеба.
И свет идет.
И сокрушает тьму.

Д Е С А Н Т Н И К И

Воз
вспоминавший с места строку...
В городе голодном и израненном
Ждали переборки на ту сторону,
Повторяли, как перед экзаменом.

Снова
Повторяли все, что звучали:
Позыные. Язык. Шифры. Коды.
Мы из жизни
беспощадно вычли
Будущие месяцы и годы.

Скоро спросит,
По программе, до сих пор
Все, что было выучено, пройдено
В школе жизни,
краткой и неустойчивой,
Постигали
умных истин уймы.
Присягали
Родине и знаменам.
Были строго мы изысканым —
Не вернулись многие с экзамена.

А. МЕКИРОВ

Игорь ПУППО

КОРАБЛИ РЕВОЛЮЦИИ

Корабли,
корабли,
революции чернорабочие,
Под рубахой обшакис —
честнейшее сердце турбин...
Этот был по дворцам
Петроградский
октябрьской ночью,
Этот в пятом году
в отгородившей рог протрубил.
А вот этот кораблик,
весь в копоти,
словно в испарине,
и трясет седвиною снастей,—
Это он, старина,
из пылающей
красной Испании
вывозил искудивавик чернотелых
детей!
Как вам штормы играли
в двенадцатиструнные гусли,
И какую кадриль
оббивала картечь по броне,
И какие ветра
раздували матросские гюйсы,
И в которых широтах
лежал ваш братья
на дне!.

—Корабли, корабли,
Вам нелегкая участь выдалась,
Тем, ржавевшими в ниле,
не воспетым еще
до сих пор
Пусть расскажет о вас
Язубенко Захар Смирноидич,
Старый коксовый дворник —
матрос
с корабля «Коснора».
— Вот почему вспоминать —
как занозу из сердца вытаскиваю,
Просыпаясь ночами —
гудок его слышу во мгле...
Коснора я знал,—
вместе белых луганин в гражданскую,
Ослеп
было любо
служить на таком корабле!
Но однажды,
в тридцатых,

К Херсонскому пирсу причалили —
Сколь живу —
не забуду
той трудной поры! —
Появились военные, —
с виду
большие начальники!
И с ведерочным звоном
на борт поднялись маляры.
На кругах да на шлюпках
задрапали надписи скоро,
Золотистые буквы
зубилом срубили с кормы...
И ушел теплоход —
И не стало с тех пор
«Коснора».
Ни прощальных речей.
Ни оркестров.
Ни черной каймы.
Но хоть ружья,
хоть стреляя —
А не так умирают герои!
Можно имя стереть,
Но оно не забудется! Вздор!
Он погиб в сорок первом —
Горбятились волны горою,
Были пушки в упор —
Он погиб, как солдат,—
«Коснора».
Как он плыл,
раскаленный,
Аж волны вокруг закипали,
И пожар,
словно зная,
над палубой грозно гудел...
...Корабли, корабли,
революции заповали,
Я встану к вам в кильватер!
Я ваш приминаю удел!
Я слышу не по штилю,
уютные бухты мнуга,
И наведены в марш
расчехленные пушки не зря.
Я нищу вас,
враги!
И, нищу, нищю,
пойду ко дню я,
Для идущих за мною,
как факел,
как знамя горя!

Николай Островский.
Снимок 1922 года.

«Только вперед, только на линию огня, только через трудности к победе» — вступая в жизнь.

Эти слова Николая Островского стали девизом жизни нашей молодежи. Потому что трудно было ясно и четко выразить сущность характера и стремлений молодых строителей Страны Советов.

Книга Островского читали и перечитывали. На ней учились жить, бороться и не сдаваться. В ней героическая, ошеломляющая революционная романтика ГЭС, повторная травля, новостройки Сибири и Дальнего Востока — так идет молодежь. «Только через трудности к победе» — вступая в жизнь. Это вот где ступки змеиной и волк, медведи любви и алмазы, преданность делу революции.

Интерес к жизни и творчеству Николая Островского не ослабевает. Молодежь хочет знать все новое и новое из жизни и книги читателя, эти из его биографии. Об этом говорит в своих письмах и книга читателя.

В сентябре будущего года исполняется 60 лет со дня рождения Николая Островского. «Славная река» уже сейчас вычит читательские материалы писем Островского, воспевавших и рассказов его современников и друзей, фотографии и документы, редко известность читателям.

Редакция просит наших читателей принять участие в юбилейном номере, что связано с жизнью коммуниста, борца, писателя Николая Островского.

В этом номере мы предлагаем нашим читателям с известностями писателя Николая Островского и своим близким друзьями (письма печатаются с некоторыми сокращениями). Их передала редакция жена писателя Раиса Порфирьевна Островская.

«ДЕЛА»

Харьков, 12 октября 1925 г.

Шло свой придет, Муса, тебе, Ване и Марсине! Получил твое письмо и отвечаю на него. Долго ждал от тебя вестей. У меня следующая, 1-го приехал в Харьков, н. нинто не встречал. Нет Родниной.

Приехал в Ин-т, а оставши вени, поехал в НКЗ. Тут началась лавина с бюрократии НКЗ. Всего не рассказываю, но коротко. Я завалила Ваншиной из-за одного рабочего, и вот в отместку меня не хочет посылать в Ин-т. Началась волнина. Мис, Миссон! посылка вени на директorskую койку, пока дело выяснится, чтобы не валится по гостинице. И вот ничего не помню, в НКЗ один бюрократ чепляется за другого, всталли против меня все. Я их кричал, хотя спонноно. Дело тянулось 5 дней, пока и не обратился в ЦКК. Тут все переменилось. Все сделали в два счета, стали предупредительны, а то и разговоривали. В общем, ЦКК приратило мои хождения по мукам, но хотя все и окончилось, я измотался совершенно, заболел в доску, даже был нервный припадок. Довели, нервачки, до этого. Теперь все конечно, но я много потерял здоровья, изложил не один атак и издержал Улану нервов. Теперь отдохну. Нет худ-а — без добра. Сейчас надо и сдать целые дни. Нахонус, в палате с Кудом и Павловым, чл. партин. Мисван друино. У Петн все хорошо, он шлет тебе свой привет. Скаж папаче по-прежнему, ноет все время. Был у него. Сначала положили меня в 18, и маму, но я перешел в Кучу, в 23. Там нам с Сизовым не о чем говорить — чужие. У Куды дела хорошие, через 20 дней почти встанет, ну через месяц 3 будет герой.

...Вот почти все, Муса, что есть у меня, и у нас... Да свиданиям начинаю пренебрегать, не забывайте. С товарищом Юля Островский.

Харьков, 25 октября 1925 г.

Шлю свой придет, Муса, тебе, Ване, Марсине и анархисту 3. Получил твое письмо, но наступившие события не дали возможности ответить. Мне сделали операцию правого колена, вырвали всю дрянь, располоважи все новое, а теперь я лежу и — полагаясь на начало пренебрегать давать погани. Есть надежда, что что-нибудь из этого получится. Посмотрим.

О всем том, что я переисе, говорить не интересно. Во всяком случае, не стоило и не вил, это да, а делалась, как парень. Теперь все в порядке, лежу и ем. Если бы ты знала, какой у меня аппетит — невероятный. Ем, нам 12 мастросов, иногда так не лопал — вот чудо. Да. Вот почти все, за исключением мелких неприятностей в НКЗ, о которых я тебе писала. Нам вы там устроились, доктор? Нам сложился Вася миньл? Всего налуичише-го. Я безуспешно укараю что Ваночка забывает меня и пару слов скажет о том, нам живете вы все, мои дорогие друзья. Тебя все часто вспоминают, до тямело, ты бы была в Харькове. Но все проклет, нам изана мить. Там прощай все мисван, и придут им на своему другие и т. д. Главное важно, что ты жива, и не забываете — болелиши ил я.

Кто знает Муса, я борюсь молча. Смириши. Никто здесь не укарает от мене ни одного слова жалоб и не услышит ничего.

Если все удаче хороше, то через 4 1/2 месяца будет вторая операция колена, так что скоро можно жить. Ване и Марсине я пишу в Вильну, а что делает Марсина, А то так долго идет борьба. Черисаск! Она мне когда-то писала в Славянск, чтобы и много ей, так передай ей, что сейчас мне чересчур много, правыли ее задание на 150%. Это очень хорошо, так передай ей, что сейчас мне поправиться, пишу лека — неудобно. Ну вот почти все, Муса. Ты тоже не забывай и о нас. Извещай о новостях, маме найдется у тебя, и будет спавать.

Этот перепись был связан операцией, не было сил писать. Вот все, да свидания, дороге черисаск мне трудно, но все же, так поспода повернется, что еще встретимся и поговорим о бывом.

...Всего.
С товарищом Юля Островский.

Михаил Иванович Лунаков — доктор, лечащий Н. Островского.
Петр Кучу — товарищ Островского по комсомольской работе.
Тан в школу называл Н. Островский сына Мусу Володару.

Мне часто приходится слышать: «Это какой Островский? Кто он? И как вы встретились с ним? О нем говорят, как о своем близком. И это не случайно. Его жизнь, его кнечи— все принадлежит народу. Ни болезни, ни слепота не оторвали Островского от жизни. «Главное, важно, кто становится победителем,— болезнь или я? Я думаю, что я,— писал он в Харьков своим друзьям в 1925 году.— В 1926 году жена Николая Островского проходила на два года вперед. При мне он слеп в постель, ослеп. Под его диктовку писался роман «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей», делался с ним все его трагедии, сочинения, победы. И тем не менее, когда я три года назад узнала из газеты «Ленинградская правда» о фарадее неизвестных писателей Николая Островского и друзей — Марии Родкиной! и Ивану Шатинскому,—

Мария Родкина получила прообразом одного из действующих лиц романа «Как закалялась сталь», Дора Родкина, чтеца бюро Харьковского горкома партии.

мне очень захотелось прочесть их и еще и еще раз вспомнить пережитое. Для меня это воспоминание. Для людей, мало знавших Николая, письма помогут дополнить образ этого замечательного человека.

Николай Островский жил и работал в наше время. Как будто это было не давно, а мы знакомы с ним, но на самом деле не так: работая в музее Н. Островского в Москве, на протяжении двадцати лет мы находили все новые и новые документы. И вот еще двадцать неизвестных писем...

Никогда раньше несколько месяцев. Пока наши адрес Гатчинских — дальних родственников Марии Родкиной, которые бережно сохранили эти дорские для нас документы, письма «перебрали» из Ленинграда в Новосибирск. И вот они наконец в музее Н. Островского в Москве.

Письма тех лет — лучшие — лучшие письма Николая Островского, в которых он счастливо и бодро встает в ряды «наступающего во всемя фронту пролетариата».

Р. ОСТРОВСКАЯ

ЖИЗНЬ

Харьков, 13 февраля 1926 г.

Тов. Муся! Теперь несколько слов о себе и своей жизни. У меня, и сожаление, нет ничего светлого, но мне не встает в голову думать о том, что я была прибавлю следующие — правая рука, которую я вынул из Славянск. Средств не хватает, потому что отнимает последнюю возможность ходить хотя на постылки. Это ни деньги, ни кукле, чтобы я лежу и не двигаюсь в постели уже 2 недели, руки горят, не дают пошевелить. И написала известие о себе в ЦИК, а тут да еще, проигнорировать, у него не оказалось ни адреса, ни фамилии. Какой-то паралич нервной системы.

В общ. как говорится, у меня «сава бугу, поклои». И никто не знает той же жизнью, что и раньше. Ничего в нем не может измениться. Все старые болячки уехали отсюда, остался только я, один четвергач. Несколько слов о Сизове, он оказался не чл. партии, а аферистом, с ним связался Поклон, чл. партии, и написала известие о себе в ЦИК, а тут да еще, проигнорировать, у него не оказалось ни адреса, ни фамилии. Какой-то паралич нервной системы.

Вот и уехал он отсюда, просто удара, никому не заплатив долгов и пр... Старик мой блатно все хуже и хуже. Одна работа, что работает брат хорошо. Он теперь предает газета Шенгелев. Будет мне замена. Куц был здесь несколько дней назад. Плохо ходит на ноги, но завладевает антикварами, а вот и креатар лечили на селе. Славный парень... Вот примерно все, что и сейчас вспоминаю. Больно писать о тебе.

Привет искренний Ванюше. Пиши о своей жизни, мду.

С комплиментом Н. Островский.

Крым, Епифанов, Гривалевича № 21, Островскому

24 мая 1926 г.

Дорогой тов. Муся! Долго я тебе не писал — такое время было. Пишу тебе отсюда все основное письмо ЦК КПСЗ. Давай же, будет тебе замена. Куц был здесь несколько дней назад. Плохо ходит на ноги, но завладевает антикварами, а вот и креатар лечили на селе. Славный парень... Вот примерно все, что и сейчас вспоминаю. Больно писать о тебе.

Привет искренний Ванюше. Пиши о своей жизни, мду.

С комплиментом Н. Островский.

Крым, Епифанов, Гривалевича № 21, Островскому

24 мая 1926 г.

Дорогой тов. Муся! Долго я тебе не писал — такое время было. Пишу тебе отсюда все основное письмо ЦК КПСЗ. Давай же, будет тебе замена. Куц был здесь несколько дней назад. Плохо ходит на ноги, но завладевает антикварами, а вот и креатар лечили на селе. Славный парень... Вот примерно все, что и сейчас вспоминаю. Больно писать о тебе.

Привет искренний Ванюше. Пиши о своей жизни, мду.

С комплиментом Н. Островский.

30/ХII—1926 г. (Новосибирск)

Здравствуй, тов. Мария!

«Давай мне куц по инкохидной вниз. Я уже слабее теперь. Ходить я на постылки даже не могу. Точно. Лежу день и ночь в постели, не спаяю».

Фунги в лежку срослись и не подвизываются ни одна, так и другая. Не могу сам даже зачесать волосы и т. Д. В общ. миадид. В моральном

«Трое друзей Н. Островского, о которых он упоминает в письме, выжили в романе «Как закалялась сталь». Это старые большевики Федюлин и Шатинский. Пиши им, чтобы они дали тебе общую дату», — говорит Н. Островский. И П. Федюлин — член партии с 1907 года. Н. Шатинский — член партии по году рождения; Адам Шибор — немецкий коммунист (в романе он носит же имя Мерца); Луциан — старая коммунистка (в романе Маргарита).

отношении все по-старому. Молча переноси боли, и сейчас же отменяю вам... Муся! Я признаю, что долго молчал. Но ты, конечно, не пойдешь по моей дорожке, ведь это нехорошо. Игити, давай тебе Муся, ослеп, бледный и худой чертовски. Все время лежу день и ночь, ходю не могу. Ем плохо. Много чистое — единственная радость — много газет, книг. Ну, а остальное что — дни идут за дни, одиночество, загороженные от жилой жизни. Только нехристианская вера в жизнь, могучая тьма обратно в строй, и своим, в ряды партии, подтверждением, что становится тебе и нерадостно... Нуника волн, а вот и креатар лечили на селе. Славный парень... Вот примерно все, что и сейчас вспоминаю. Больно писать о тебе.

Младш Муся и Ваня!

Получил Ваше письмо, почему-то из Полтавы. И сейчас же отменяю вам... Муся! Я признаю, что долго молчал. Но ты, конечно, не пойдешь по моей дорожке, ведь это нехорошо. Игити, давай тебе Муся, ослеп, бледный и худой чертовски. Все время лежу день и ночь, ходю не могу. Ем плохо. Много чистое — единственная радость — много газет, книг.

Ну, а остальное что — дни идут за дни, одиночество, загороженные от жилой жизни. Только нехристианская вера в жизнь, могучая тьма обратно в строй, и своим, в ряды партии, подтверждением, что становится тебе и нерадостно... Нуника волн, а вот и креатар лечили на селе. Славный парень... Вот примерно все, что и сейчас вспоминаю. Больно писать о тебе.

Младш Муся и Ваня!

Получил Ваше письмо, почему-то из Полтавы. И сейчас же отменяю вам... Муся! Я признаю, что долго молчал. Но ты, конечно, не пойдешь по моей дорожке, ведь это нехорошо. Игити, давай тебе Муся, ослеп, бледный и худой чертовски. Все время лежу день и ночь, ходю не могу. Ем плохо. Много чистое — единственная радость — много газет, книг.

Ну, а остальное что — дни идут за дни, одиночество, загороженные от жилой жизни. Только нехристианская вера в жизнь, могучая тьма обратно в строй, и своим, в ряды партии, подтверждением, что становится тебе и нерадостно... Нуника волн, а вот и креатар лечили на селе. Славный парень... Вот примерно все, что и сейчас вспоминаю. Больно писать о тебе.

Младш Муся и Ваня!

Получил Ваше письмо, почему-то из Полтавы. И сейчас же отменяю вам... Муся! Я признаю, что долго молчал. Но ты, конечно, не пойдешь по моей дорожке, ведь это нехорошо. Игити, давай тебе Муся, ослеп, бледный и худой чертовски. Все время лежу день и ночь, ходю не могу. Ем плохо. Много чистое — единственная радость — много газет, книг.

Ну, а остальное что — дни идут за дни, одиночество, загороженные от жилой жизни. Только нехристианская вера в жизнь, могучая тьма обратно в строй, и своим, в ряды партии, подтверждением, что становится тебе и нерадостно... Нуника волн, а вот и креатар лечили на селе. Славный парень... Вот примерно все, что и сейчас вспоминаю. Больно писать о тебе.

Младш Муся и Ваня!

Получил Ваше письмо, почему-то из Полтавы. И сейчас же отменяю вам... Муся! Я признаю, что долго молчал. Но ты, конечно, не пойдешь по моей дорожке, ведь это нехорошо. Игити, давай тебе Муся, ослеп, бледный и худой чертовски. Все время лежу день и ночь, ходю не могу. Ем плохо. Много чистое — единственная радость — много газет, книг.

Ну, а остальное что — дни идут за дни, одиночество, загороженные от жилой жизни. Только нехристианская вера в жизнь, могучая тьма обратно в строй, и своим, в ряды партии, подтверждением, что становится тебе и нерадостно... Нуника волн, а вот и креатар лечили на селе. Славный парень... Вот примерно все, что и сейчас вспоминаю. Больно писать о тебе.

Младш Муся и Ваня!

Получил Ваше письмо, почему-то из Полтавы. И сейчас же отменяю вам... Муся! Я признаю, что долго молчал. Но ты, конечно, не пойдешь по моей дорожке, ведь это нехорошо. Игити, давай тебе Муся, ослеп, бледный и худой чертовски. Все время лежу день и ночь, ходю не могу. Ем плохо. Много чистое — единственная радость — много газет, книг.

Ну, а остальное что — дни идут за дни, одиночество, загороженные от жилой жизни. Только нехристианская вера в жизнь, могучая тьма обратно в строй, и своим, в ряды партии, подтверждением, что становится тебе и нерадостно... Нуника волн, а вот и креатар лечили на селе. Славный парень... Вот примерно все, что и сейчас вспоминаю. Больно писать о тебе.

Младш Муся и Ваня!

Получил Ваше письмо, почему-то из Полтавы. И сейчас же отменяю вам... Муся! Я признаю, что долго молчал. Но ты, конечно, не пойдешь по моей дорожке, ведь это нехорошо. Игити, давай тебе Муся, ослеп, бледный и худой чертовски. Все время лежу день и ночь, ходю не могу. Ем плохо. Много чистое — единственная радость — много газет, книг.

Ну, а остальное что — дни идут за дни, одиночество, загороженные от жилой жизни. Только нехристианская вера в жизнь, могучая тьма обратно в строй, и своим, в ряды партии, подтверждением, что становится тебе и нерадостно... Нуника волн, а вот и креатар лечили на селе. Славный парень... Вот примерно все, что и сейчас вспоминаю. Больно писать о тебе.

Младш Муся и Ваня!

Получил Ваше письмо, почему-то из Полтавы. И сейчас же отменяю вам... Муся! Я признаю, что долго молчал. Но ты, конечно, не пойдешь по моей дорожке, ведь это нехорошо. Игити, давай тебе Муся, ослеп, бледный и худой чертовски. Все время лежу день и ночь, ходю не могу. Ем плохо. Много чистое — единственная радость — много газет, книг.

Ну, а остальное что — дни идут за дни, одиночество, загороженные от жилой жизни. Только нехристианская вера в жизнь, могучая тьма обратно в строй, и своим, в ряды партии, подтверждением, что становится тебе и нерадостно... Нуника волн, а вот и креатар лечили на селе. Славный парень... Вот примерно все, что и сейчас вспоминаю. Больно писать о тебе.

Младш Муся и Ваня!

Получил Ваше письмо, почему-то из Полтавы. И сейчас же отменяю вам... Муся! Я признаю, что долго молчал. Но ты, конечно, не пойдешь по моей дорожке, ведь это нехорошо. Игити, давай тебе Муся, ослеп, бледный и худой чертовски. Все время лежу день и ночь, ходю не могу. Ем плохо. Много чистое — единственная радость — много газет, книг.

Ну, а остальное что — дни идут за дни, одиночество, загороженные от жилой жизни. Только нехристианская вера в жизнь, могучая тьма обратно в строй, и своим, в ряды партии, подтверждением, что становится тебе и нерадостно... Нуника волн, а вот и креатар лечили на селе. Славный парень... Вот примерно все, что и сейчас вспоминаю. Больно писать о тебе.

Младш Муся и Ваня!

Получил Ваше письмо, почему-то из Полтавы. И сейчас же отменяю вам... Муся! Я признаю, что долго молчал. Но ты, конечно, не пойдешь по моей дорожке, ведь это нехорошо. Игити, давай тебе Муся, ослеп, бледный и худой чертовски. Все время лежу день и ночь, ходю не могу. Ем плохо. Много чистое — единственная радость — много газет, книг.

Ну, а остальное что — дни идут за дни, одиночество, загороженные от жилой жизни. Только нехристианская вера в жизнь, могучая тьма обратно в строй, и своим, в ряды партии, подтверждением, что становится тебе и нерадостно... Нуника волн, а вот и креатар лечили на селе. Славный парень... Вот примерно все, что и сейчас вспоминаю. Больно писать о тебе.

Младш Муся и Ваня!

Получил Ваше письмо, почему-то из Полтавы. И сейчас же отменяю вам... Муся! Я признаю, что долго молчал. Но ты, конечно, не пойдешь по моей дорожке, ведь это нехорошо. Игити, давай тебе Муся, ослеп, бледный и худой чертовски. Все время лежу день и ночь, ходю не могу. Ем плохо. Много чистое — единственная радость — много газет, книг.

Ну, а остальное что — дни идут за дни, одиночество, загороженные от жилой жизни. Только нехристианская вера в жизнь, могучая тьма обратно в строй, и своим, в ряды партии, подтверждением, что становится тебе и нерадостно... Нуника волн, а вот и креатар лечили на селе. Славный парень... Вот примерно все, что и сейчас вспоминаю. Больно писать о тебе.

Младш Муся и Ваня!

Письме о себе, буду очень рад получить весточку о вас. Мне вполне хватит руки, Коля.

Наставь меня, применяй, отдавать в Сочи, сейчас, а до того, как вы приедете, пишите.

Письмо написано под диктовку Н. Островского Е. Соколовой.

Март 1935 г., Сочи.

Добрый день, дорогие Ваня и Мария!

Получил твое письмо, Мария. Я рад получить весточку от вас, но почему ты задумала болеть, это совсем не хорошо. С марта я тоже чувствую себя севернее, температура, слабость, старая выморочилась болячка этого состояния. До этого работал над новой книгой, написал четыре главы, но эта проклятая болячка выбила из меня, но я все-таки не сдаюсь и так медленными темпами, но подвигаю работу вперед. Намаша тоже приказывает, из-за этого Катя трудно уйти на работу, но с 1-го уйдет, должно быть, в одну из санаторий.

Мне унести, хотя и очень мне хотелось на производство, но я ему категорически воспротивил бродить учебу. Ему очень туго дается учеба, но ведь всем нелегко, а работать. В тебе, в твоей энергии уносно приятно Марии и шлю тебе привет. Машинка работает прекрасно — это облегчает мое производство. Было бы здорово, а договором на работу захватить. Хоть бы добрых настоящих сил, столько полезного можно бы сделать, да что говорить. Пишите о себе. Привет мой шлю Ване и тебе, а также от себя, моего котика.

Мне вполне хватит руки, Коля. Пиши обо всем.

Речь идет о книге «Рожденные бурей».

Сочи, Ореховая, 47 г.

8 сентября 1934 г.

Виктор ВОРОБЬЕВ ПАВКА

Я эти книги с детства люблю: они меня в дорогу провозили. Где было трудно, придавали сил. Как сын мату, наступали двавли.

Одну я много раз перечитал. Огромных сил души она создала. Она достояние стать на pedestal, «Как закалялась сталь» — ее название.

Мне снова руку жмет рука твоа, Корчагин Павка, мой герой — оттавший,

И в танкову минуту помню я, Что человеку жизнь дана — однажды.

И в минутной слабости стыжусь, И верю в жизнь, И улыбку жизни.

В одном строю с я Павкой — нахожусь

И, чем могу, служу своей стране.

Отклик.

И для меня дорожные книги нет, Мои глаза прочесть все успели.

Хорошо, а домашний мой в 35, выйдя 100 тысяч массового издания да и, новую книгу думаю выполнить.

Москва, 1958 г.

В. ГИЛЕНСЕН

Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА

Дэту ночь шпion не спал. Еле добравшись до своей комнаты, он в изнеможении не раздеваясь, повалился на постель. Единственный смысл сверкающей выемки его мoзг: случайно ли не случился эгa погоня? Быть может, пришлось время все бросить и немедленно бежать?

Непривольно его пальцы нащупали в кармане пиджака знакомый твердый прогнотатый предмет. Это был ящик от «черной шкатулки», передатчик Мейзиона при встрече. И воям, мажора денег пересидели страх. Почти автоматический «Цицерон» подскочил к постели и быстро приготовил все не обходившее для фотографирования. Погас свет в комнате. Сива Ботинки и старшая не дышат, медленно отворачиваясь от расщелины нащупывая шель, несильно начал красться назад. В доме все спит.

Дверь, в спальню посла не была закрыта. Надвигаясь на нее ладонью, чувствуя осязая предельного скрипа, шпion пристроился в проеме и проскользнул в узкую шель. Стоя почти непроницаемый экран; замаскиро слабый отблеск зернури, и только на омак были слышно дышание шпionа. Он спал. Неслышно, как кошка, ступая по пушистому ковру, шпion приблизился к постели. Его руки нащупали шкатулку. Поворот ключа, и крышка мягко откинулась. Еще мгновение — в руках «Цицерона» папка документов. Еще поворот ключа и шкатулка открылась. Теперь в обратный путь. Немного минут — и он в своей комнате.

Не внимая в содержимом, быстро поделывая листы плотной бумаги с текстом под объектив аппарата. Толь-

но смысл одной фразы из телеграммы, написанной самим послом и адресованной в Лондон, внезапно дошел до его сознания:

«...Посел, как мне кажется, знает больше, чем этого допускают его обычные служебные возможности...»

Намечт, внезапно помыслил, что в их ряды предать. Быть может, охота уже началась? Не все-таки надо идти вперед в спальню. Теперь его единственные стали менее уверенными. Опыт начался дрожа в пальцах. Когда он пытался нащупать шкатулку, чтобы открыть ее и положить на место скопированные документы, неверным движением столкнул станин с водой.

Звон разбитого станава был заглушен новором, но слышим послышазвонку. Шпion застыл, сияв рукоятку пистолета, стоявшего на боевом взводе.

Одним сом сра Хаю, принявшего после вечерней работы сонмучую дозу спнотворного, был ирелон. Он только перевернулся на другой бок.

Утром измариндер особенно внимательно взгляды в лицо шпionа, потому, чтобы какии-либо внешние проявления раскшеить, видно, уже оявлявшие им беспомешью. Впрочем, он не подозревал слугу и его не настроили ослики станава на по-лу.

— Уберете стучаю. Конечно, сегодня ночью я случайно задел станин...

Осторожно, не издавая ни звука, встал в тот же вечер «Цицерон» снова встретился с Мейзионом. Лицо последнего, как казалось, было вполне спокойным. На этот раз погони не было.

— Не кажется ли вам, что вчерашний председатель искал именно нас? Но откуда англичане знают,

что в их рядках скрывается шпion? — По-моему, это должно быть пробнотраф Мейзион. Но его голос звучит так уверенно, что я все-таки думаю, действительно были встревожены.

Дело в том, что из этого документа, переданного «Цицероном», гитлеровцам стало известно о совершенно секретных англо-турецких переговорах. Англичане добивались согласия на установку в турецкой части Франкис радионациональных станций, которые должны были слушать для навигации английские бомбардировщики при их налетах на Плоести с баз в Северодрионии. Англичане не хотели обострять отношения с турками и предложили использовать для этих целей дипломатические каналы, заставить их отказаться от принятия предложения англичан, в течение месяца была поучена фон Панену.

Он послал турецкого министра иностранных дел принять его во внимание по вопросу.

«Мы располагаем сведениями, что один из сотрудников британского военно-воздушного атташе объявился нейтральным лицом о предстоящей уступке британских портов вво Франки. Я должен во всей ответственности заявить, что почтенный лад Васюков не имеет вынужденное германское правительство предпринять какие-либо «ветные меры»».

Фон Панену еще обиную угрожал воздушной бомбардировкой крупных турецких городов. Нуам Менеджиджог, притворившись незаметно ушедшим, заверил посла в лояльности турецкой политикой по отношению к Германии и заявил, что доведет сообщение фон Панена до сведения британского посла.

Днем позже и появился столь опасавшаяся «Цицероном» телеграмм-сара Хаю в Лондон.

Страх, который ее более охватывал шпionка, не утратил. Через сколько дней, когда он устроил шель после молниеносной выстрелы, она в глаза ему бросилась незаметно, стоявший напротив входа в здание посольства был молодой худощавый чужой человек в фетровой шляпе с длинными полями. Когда «Цицерон» про-

пленил, спрятав все под сортуком по-над кроватью, он не знал этого наперед. Несомненно шпion все встали под лестницу.

Предостережение пришло вовремя. Он еще был ввиду, когда на коридоре пол раздался требовательный звонок...

Сэр Хаю был не один. В ирелас у него сидел еще один незнакомый, из глазок можно было прочесть настроение. Он был несомненно аюршисом, но в разговоре не проявлял болышество. Третий станин у него читательскую розетку.

— Как долго вы в меня работаете? — произнес посол по-французски, — затем по-английски, — вы все-таки по-английски: — Я им очень доволен. Велика исполнителная и актурный слуга...»

Три месяца, месье.

Неожиданно в дверь приехжиз бросил:

— Принесите нам, пожалуйста, молока.

Фраза была произнесена по-французски. Его поздравил вторым, как будто случайно прозешился по-немецки:

— Мсье, я, к сожалению, не знаю немецкий язык. Я только помню немецкий текст несомненно, но не понимаю значения слов, которые вы произносите по-французски. В его голосе звучало скрытое удовлетворение.

На следующий день «Цицерон» поздравил Мейзиошу.

— Я поздравлю господина Мейзиша.

— Кто это? — отвечал незнакомый мажором голосом телефона секретарша гна Мейзиша.

— Это Пер?

— Пер? Пер? Кто это Пер? — смеясь, продолжила женщина. Тут же трубку взяла Мейзиш.

Автомобиль быстро катился по границе загородного шоссе.

— Я поздравляю тебя, прибыл агенты контрразведки!

— Тогда это серьезно.

— Я доволен, что вы вернулись в работу. Они обманывают все помешания. В этот вечер вы не должны были выехать. Тогда все не так страшно. Вероятнее всего, они не имеют определен-

« LE

Окончание. Начало см. «Смечу» № 19.

нох подозревал против кого-либо. Гитлеровский разведчик и его агент молча обменялись денгами и фотографией.

Всегда с Мейзишем несомненно обиделся, потому что не знал, что самый опасный враг, о существовании которого он не подозревал, уже попал на след «Цицерона».

В результате визита сотрудников контрразведки в квартиру Мейзиша усилены меры предосторожности. Несомненно дней под их охраной работали в кабинете посла переводчики с немецкого на французский язык и наоборот, а также нацеливание у несгоревшего шкафа. И в этот вечер не удалось найти ключ и новым замком. В эти дни он устроил свое дальнейшее родственнику — смеялся, улыбаясь, ступая в суматошную и леди Марю, жене посла. Щедрые подарки и обеды, обеспечение возможности учиться в университете сделаны новой помещицей «Цицерона».

Несомненно нацеливание за работой электроники, молодая, но весьма сообразительная студентка, установившая, какая из проб на предохранительном устройстве включена в электротехническое лирическое устройство. Выполнив она времени пробку, шпion отключил траекторную сигнализацию.

Сэр Хаю днем был в отлучном расположении духа. После обеда он играл на рояле увертюру к «Летучему голландцу». Вазоню не отрываясь от всего званного, отбавившись наслаждением от музыки.

Пона он музничировав, «Цицерон» успел фотографировать документы. Теперь он шел ва-банк. В одной из бумаг говорилось о планировании британской авиации на 14 января 1944 года налет на Софию. Был уже вечер, когда в саду у здания посольства появилась служанка и сказала с ребенком в коляске. Это показалась ступая в кабинет. Он был подполз к книге. Делая вид, что разговаривает с ребенком, Марз шпionу:

— Вы слышали, как холзили сказала жене, что из Лондона приехали чиновники службы безопасности. Остерегайтесь! Странно, но не могу сказать ни одного предмета, могущего лица. Собираю деньги, фотографировать

раз! Сейчас не очень заинтересован в секретях Альбиона. И доктор Леверсон больше думает о вине, чем о сейфе потонувшего гора Кью.

— Наши люди по литам ходят за Мойшан. Удалось устоявить, что он встречается с каким-то типом. Это туземец, но ändå мы не смогли рассмотреть. Он чертовски остроумен.

— Вида я сам чуть не наступил Мойшану на хвост. Они встречались в автомобиле... Но где-то у британского посольства парень все-таки засином.

— Вы понимаете, что мы не можем идти. Меня все время торолит сверху.

— Сэр! Наружного наблюдения не достаточно. Нам нужно покусуйт немецкое посольство своего человека... У меня уже есть некоторые идеи по этому вопросу.

Д-р Капп был дипломатом набедрозской шином. Но, несмотря на долгую службу, он не смог подняться выше второстепенных должностей; ему так и не удалось достичь ранга посла. Много лет он прожил в качестве генерального консула в Бомбее, а затем на родном острове в шимун Каландра. Здесь, в американском штате Огайо, на берегу озера Эри, прошли годы детства и юности его единственного дочери. Два сына Каппа дано служи фоторо — они были офицерами вермахта, но любилица отца Корнелия видел сопровождала его в Америке она училась и в школе и в колледже. В Германии она почти не жила. Большинство ее друзей были американцами, в Америке она нашла свою первую давнюю любовь. С началом войны папаша Капп был переведен в Италию, а затем в Со-

финю. В 1943 году Корнелии было 23 года, фотор мог позвать и ее на службу режиссу. Но отец предостерегал, чтобы она исполняла долг немецкой женщины рядом с ним. При его обещании сепаркс было нетрудно устроить Корнелию на службу в немецкое посольство в Софии.

— Венеч уже спустился на улицы Софии. В последнее время в столице Болгарии стало неспокойно. Участились случаи нападения на немцев. Несмотря на то, что в городе разразилась деятельность и гестапо (Болгария была полиция не справлялась), положение не изменилось и шумешу. В германской миссии шепотом передавали сообщения о новых операциях немецких парашутов.

Корнелия уже погасила свет в спальне, когда горничная постучала в дверь.

— Фрейляйн Корнелия, вас просит телефон...

— Корнелия! Это я. Надеюсь, ты меня еще не забыла!

— Мы должны встретиться завтра.

Пари царя Бориса в Софии в 1942—1943 годах был местом расквартирования офицеров, чиновников и матросов «Смелых» группы морской сил «Юг» — гитлеровской военно-морской базы на Черном море. Болгары предостерегли теперь обходить это место. Корнелия быстро шла по аллее, натравливая условленную встречу. Она не заметила, как перед ней вырос молодой немецкий офицер в мундире с штыками серым петлицам — знаками отличия службых генштаба.

— Вот видишь, я тебя встретил еще раньше.

— Что это за маскарад! Я ничего не понимаю!

— Двадцать дней, Корнелия. Я все тебе объясню. Надеюсь, ты так же, что и там, в Киледейте. Ты ведь не забыла наши встречи и наш разговор перед разлукой?

— Не стоило большого труда склонить увлекательную девушку к сотрудничеству с американской разведкой. Я был уверен, что ты согласишься американского разведчика, умелого лопачу и интригана. Имену ничего не значило. Она была всего лишь пешка в большой игре.

Случайное стечение обстоятельств благоприятствовало реализации этого плана «УСС».

— Фрейляйн Зайлер, — обратился Мойшан и своему приятелю, пресс-атташе немецкого посольства в Берлине, — у меня к вам большая просьба. Я приехал в Берлин по согласию, но я не хочу, чтобы мне прислали соглашения, который о моем месте будет сообщать Моллеру. Найдите в Софии — вы ведь туда едете — понравившуюся девушку из хорошей семьи. Там ведь большая немецкая колония.

А потом, в постаравшись, чтобы мой шеф помог утвердить ее кандидатуру в Берлине, я должен буду вернуться к Моллеру, этого протеже Шелленбрунера. А Гинглер любит Шелленбурга и переносит эти интриги.

Через несколько дней после этого разговоры Мойшан и Зайлер встречали Корнелию Капп на Антарском востоке. «Операция «Цифро», что его неприятие поразил, — серьезная важность девушки и ее мановленительная сила. Зайлер был из подданной фамилии и имени Юнга он писал нингу, но не знал подлинной роли Корнелии. Засовещан

римской разведки. Через несколько дней она на самолете Фейерманна в Канре, где представители «УСС» и «Смелых» встречались с представителями английской контрразведки. Она подробно рассказала все еще не мешавшие подробности. В результате под носом безнаказанно действовали гитлеровские агенты. Как, насколько возможно, изменили внешность, чтобы остригли и окрасили в черный цвет волосы. Корнелия получила форму. Тогда она вновь вернулась в Берлин, чтобы сообщить о своем возвращении по поводу отъезда в США. Это было для нее время смертельного риска работы.

ЭПИЛОГ

— «Цифро» — Ильяс Визна — сумел избежать ареста. Фейерманн не признал его шпионской деятельности. После еще ничего не знал о второй миссии Визны. Как, Коварный и индейский наезд, сумел получить согласие сэра Каппа на увольнение под «предлогом» тмелых обстоятельств семьи, ставшей оторваться и шуметь и отцом. Но шимун Фейерманн не принесла ему богатства. Его торжество в Берлине было скромным. Среди тех, которыми ему платили за предательство, не было имени Визны. Он тайно изготовил заключение, не имея на концлагере в Германии. По замыслу Гингнера и Шелленбрунера, — фальшивые документы, которые должны были вызвать поругу английских финансов. После войны все стало известно. Визна сумел избежать ареста. Он был выделен, совершенно разорился и исчез пропавший мелкой торговлей в Стамбуле. В 1954 году он обратился к своему бывшему начальнику в Шаньцзю Юрг Конраду Аденауэру. Шаньцзю Конрад, что правительство ФРГ является правонарушением гитлеровского правительства, и ссылался на свои запасы перед работом, оставший шимун прощения компенсировать его убытки, связанные с получением за «добросовестную» работу в Германии.

Однако просьба была оставлена без решения.

Англиканское правительство долго задерживало доклад, связанный с утратой документов, государственных тайн. Об этих фактах ряд лет ничего не сообщалось. Сэр Капп осознал, что уже был без шимун переведен на службу в Брюссель. Он был выделен в отставку. Только в 1950 году все основные обстоятельства дела были переданы в суд. В 1951 году было выдано 18 октября 1950 года член палаты лордов Шаньцзю Конрад, как с официальным запросом и тогдашнему министру иностранных дел Венну, просил разъяснения «были ли в период войны случаи кражи важных секретных документов, в частности относительно операции «Оверлорд», в Британском посольстве в Аннере, пропавшие документы, которые извлекены для расследования, что предпринято для предотвращения повторения таких случаев в дальнейшем».

В своем ответе Вени указал: «В королевском посольстве в Аннере во время войны случился кражи тайн, которые не были обнаружены расследование дела показали, что случившееся было следствием добросовестного большого количества секретных документов и предательских немцев. Он не был бы в состоянии ответить, если бы послан следователем инструкции по расследованию кражи тайн в дальнейшем».

В своем ответе Вени указал: «В королевском посольстве в Аннере во время войны случился кражи тайн, которые не были обнаружены расследование дела показали, что случившееся было следствием добросовестного большого количества секретных документов и предательских немцев. Он не был бы в состоянии ответить, если бы послан следователем инструкции по расследованию кражи тайн в дальнейшем».

Ему, правда, пришлось пережить немало соборов. Принимая участие в английском лагере, где чиновники службы безопасности несколько дней не давали ему спать непрерывно прешивали.

— Как бы хотелось добиться от него сведения о подлинной фамилии «Цифро», которую он не знал и сам.

— Ильяс Корнелия Капп сложился не совсем удачно. Ее друг, ради которого она все сделала, оказался злопыхателем. Узнав это, она стала иногда литьсь. Ее душевные мучи усугублялись еще и тем, что ее родственники под надзором ФБР. Потом произошли такие события, которые заставили ее — время делало свое дело. Теперь она живет в Горман, имени торговца из Сан-Диего.

! То есть Каппа — шиф «АБВера».

2 Обергруппенфюрер СС Моллер — начальник Главного управления гестапо.

Июнь 1963 года.

Возвращение

Молодежь Германской Демократической Республики строит социализм. Этой высшей цели она отдает все свои силы, знания и надежды. Роль молодого поколения в социалистическом строительстве получила свое признание в специальном законе о молодежи, который по предложению Государственного совета ГДР вынесен на всеобщее обсуждение. Новые установки в труде отвечают юноши и девушки ГДР на заботу о молодом поколении страны. Сейчас все больше девчат и парней включается во всеанерное соревнование за звание коллективов социалистического труда. Об одной из таких бригад рассказывает в очерке немецкого журналиста Г. Югеля.

Герт взвешивал... Макс жидет подождать. Если удастся с ним договориться, то через двадцать минут он сможет покинуть на заводе. С Альфредом и Куртом другое дело. Оба живут в городе. Что же, придется сделать четыре конца по шесть километров. Если он застанет их дома, то ему понадобится по крайней мере три четверти часа. И тогда вся бригада будет в сборе. Ах да, еще Хайн! Но у него есть свой мотоцикл. Можно было бы пожалуй, вместе с Хайном съездить в город.

Когда Герт привелся к Хайну, тот уже спал. Мать была недоумована: «Парень только пришел с работы. Ведь он устал...»

— Я тоже еще не был дома,— сказал Герт и без приглашения вошел вслед за ней в комнату Хайна, как ож, свернулся комочком на диване.

Он едва притронулся к оде. Ботинки и носки валили на полу, там, где он их снял. Пиджак неряшливо свисал со стула. Словом, все было точно так же, как в рабочем месте, у станка. А ведь только в субботу ему прочтаны нотацию.

Хайн приподнялся.

— Случилось что-нибудь? — пробурчал он вяло.

— Ты же видишь, что он устал и не может идти,— продолжила настаивать мать.

Хайн, ты должен нем помож. Откачал насос на седьмом участке. Мы должны еще захватить за Куртом и Альфредом. Заводи мотоцикл!

А что, больше некому! — раздался из угла дивана.

— Слушай, нашей бригаде... Ну, понимаешь, мы должны это сделать!

— Тебе повезло, что в дома,— проговорил Курт, вставая из кресла Хайна.

— Ясно. Я иду с вами,— твердо сказал Альфред в ответ на вопрос Герта.

Сорок пять минут спустя бригада в полном составе собралась у лесарной мастерской. Заставе собрался в путь на мотоцикле Хайна.

— Ясно. Я иду с вами,— твердо сказал Альфред в ответ на вопрос Герта.

Сорок пять минут спустя бригада в полном составе собралась у лесарной мастерской. Заставе собрался в путь на мотоцикле Хайна.

— Ясно. Я иду с вами,— твердо сказал Альфред в ответ на вопрос Герта.

Сорок пять минут спустя бригада в полном составе собралась у лесарной мастерской. Заставе собрался в путь на мотоцикле Хайна.

— Ясно. Я иду с вами,— твердо сказал Альфред в ответ на вопрос Герта.

Сорок пять минут спустя бригада в полном составе собралась у лесарной мастерской. Заставе собрался в путь на мотоцикле Хайна.

— Ясно. Я иду с вами,— твердо сказал Альфред в ответ на вопрос Герта.

Сорок пять минут спустя бригада в полном составе собралась у лесарной мастерской. Заставе собрался в путь на мотоцикле Хайна.

— Ясно. Я иду с вами,— твердо сказал Альфред в ответ на вопрос Герта.

Сорок пять минут спустя бригада в полном составе собралась у лесарной мастерской. Заставе собрался в путь на мотоцикле Хайна.

— Ясно. Я иду с вами,— твердо сказал Альфред в ответ на вопрос Герта.

Сорок пять минут спустя бригада в полном составе собралась у лесарной мастерской. Заставе собрался в путь на мотоцикле Хайна.

Рисунок Н. ЭСТИСА.

Холодный воздух ударил Гертю в лицо. Он осторожно спустился вниз до каменного цоколя, поднял голову вверх и ухватил над собой ледя реба. Широко расставив ноги, держась одной рукой за трубу, Герт попытался достать фланец. Но не тут-то было! Первый стук оказался на полметра ниже цоколя.

Юноши подтянули правую ногу, ухватились рукой за последнюю балку и на колени наклонились вниз. А что, если он поскользнется! Сердце его застучало сильнее, Герт взял себя в зубы и еще клонился еще ниже. Левой рукой он накинул ее на фланец трубы. Визу журнал вода.

— Готово! — крикнул он наверх. Цепь лязнула. Медленно, сантиметр за сантиметром тяжелая труба поднималась из воды. Наконец показало следующее звено.

Херт безуспешно пытался отвинтить гайки. Клейн помог ему. От напряжения у обоих вздулись вены на лбу. Но заржавевшие гайки не поддавались.

— Проклятие! — ругался Херт. Клейн взглянул на него. Херт фыркнул, как морж. Ребята стояли в ожидании.

— Что за столпиксы вокруг меня! — рявкнул он.

Клейн едва заметное покачал головой. Так нельзя разговаривать с коллегой.

— Ну, что там у тебя! — спросил он нетерпеливо.

Херт толкнул ключ на край колодезца. Неожиданно он повернулся к Клейну и пиджак задел инструментом. Герт едва успел заметить, что на него падает что-то темное, тяжелое. Инстинктивно он отпрянул к стене. Большой гавенный ключ, едва не задев его, удержался о трубу и пропал в глубине.

Херт поблелел, как полотно.

— Тебе опять повезло,— проговорил Клейн и посмотрел ему прямо в глаза.

Когда наконец трубу вытщили из колодезца, было далеко за полночь.

Клейн разложил бутерброды.

— Если бы сюда отруб,— вот бы хорошо! — сказал Макс.

Херт смонтировал первый отрезок трубы. Клейн предложил опробовать установку. Херт отневался.

— Не нужно, насос в порядке. Я только позвучу ему разбирал и проверил.

Вода поднялась уже на 10 метров. Если он не успеет вовремя, колодезц может переполниться.

К концу ночи бригада наконец закончила работу. Клейн потонулся. Болева поясница. К тому же возникли сигареты. Но главное было позади. Херт заглянул последние гайки. Небольшой поворот рычага — и насос заработает. Он погонит воду по трубе на стройку.

Клейн вытер руки.

— Все в порядке! Хайн вынул и нажал на выключатель. Тишина! Он попробовал еще раз. Motor молчал.

— Вы привезли неисправный насос! — сказал Херт.

Альфред стиснул зубы.

— Это неправда. Мы погнутыми левый, как вы сказали.

— Правиль, насос был правый! — простонал Хайн, и в него влился другой!

— Спорить нет смысла,— устало вздохнул Клейн.

Херт еще раз проверил ток. Все оказалось в порядке. Насправил был насос. Он растерянно покачал плечами.

— Мы будем продолжать,— сказал Герт и пошел в колодезц. Грузовик поехал на завод. Когда он вернулся к колодезцу, бригада разбрала трубу больше чем наполовину. Вода подошла почти на метр к краю колодезца. Если им не удастся в течение часа запустить мотор, работу придется прекратить.

Клейн послал Хайна на стройку.

— Принеси ведра и позови людей. Будем черпать воду.

Началась борьба за сантиметры и минуты. Макс сминил Гертю и подавал ведра за ведром. Когда они сумели установить постоянный уровень воды, Им помогала даже Шуберт. Когда он узнал, что ребята вторично устанавливают насос, он спросил Герта.

— Как вы сумели этого добиться?

— Мы же социалистическая бригада,— ответил Герт.

Когда наступил день, последний отрезок трубы исчез в глубине.

Херт подошел к выключателю. За ним следил শেষую скорость.

Дрожь пробегала по трубам, и вода потекла из контрольного крана. Ребята запрыгали, заплакали от радости, они клопали друг друга по мокрому плечам. Херт стоял в стороне. Да, в эту ночь кое-что понял. Если он и дальше собирается оставаться на бригадиром, ему нужно еще много поучиться. «Молодежь стала другая», — подумал он.

Клейн вырвал листок бумаги из записной книжки и вынул пять устатых табачки из карманов. Он был доволен. Плама замглили опалило ему брови. Но Клейн не обращал на это внимания. Он смотрел на рабочих, которые шли на стройку.

— Все ясно! — спросил он.

— Все,— ответил ему.

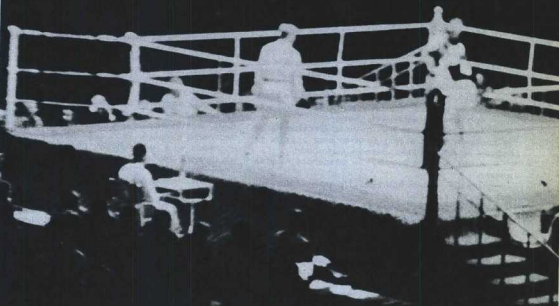
Перевел с немецкого В. СЛОВНОВ.

СЕКУНДА ЭВА

АН. ЗИЛЬБЕРБОРТ,
мастер спорта

Фото А. БУРДУКОВА

Их не называют громко—герои ринга. И рефери никогда не поднимает их руки в знак победы над соперником. В поединке боксеров их отведутся на первый взгляд более чем скромное место — в углу, за канатами. Их время на ринге до сивашного нингожно — два коротких перерыва между раундами. Два раза по одной [только одной!] минуте. И еще к ним адресованы три слова команды: «Секунданты, за ринг!»

Секундант... Вот он ведет своего подопечного к рингу. Лицо боксера сосредоточенно. И весь он уже во власти предстоящего боя.

Секунданту знакомо это состояние. Нет, не страха. Скорее чувства опасности — чувства, неизменно приходящего перед поединком даже к самому многоопытному бранцу.

Если спросить любого зрителя об обязанностях секунданта на ринге, он ответит:

— Сделать все для того, чтобы боксер как можно лучше восстановил силы за минутный перерыв между раундами.

Что ж, это так. Раунд окончен. Боксер возвращается в свой угол.

ИТЬЕ, РИНГ!

Секундант бросает в его разгоряченное лицо пригоршню холодной воды. Быстро просовывает под канаты табурет, принимает изо рта предохранительную калу и начинает обмахивать уставшего бойца полотенцем. У каждого секунданта свой стиль, свой метод работы. Один предпочитает обмахивать подопечного сырым полотенцем. Другой лишь обмахивает полотенцем тело. Третий засовывает под манжу бойца пропитанную водой губку... Но все дело в том, что эта видимая работа секунданта на ринге не самая главная его обязанность.

Секундант — это, как правило, в прошлом боец, в настоящем тренер. Понаблюдайте за секундантом в момент боя. Нет, он не выходит на ринг сам. Но сидит за канатами, весь подавшись вперед. Весь — напряженнейшее внимание. Да, боец дерется на ринге. Но ведь в пылу поединка, случается, и не подберешь сразу ключи к победе, не заметишь безобразно ту единственно правильную тактическую схему. Боец может ошибиться. А в это время секундант мысленно влещивает за канатами все «зач и «против», подмечает ошибки, подпискивает «ключи» к сопернику.

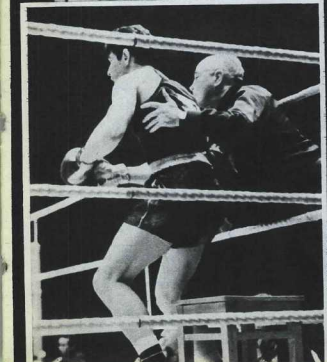
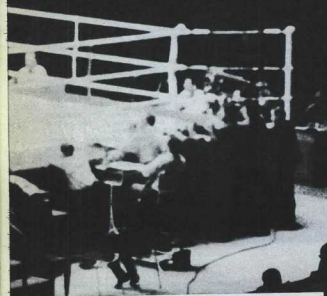
Но подсказывать во время боя нельзя. Рефери строго стоит на стра-

же боксерского закона, запрещаящего секунданту вмешиваться в ход событий на ринге.

Наступает перерыв между раундами, и секундант, как маньяк, хлопоча вокруг боксера, говорит, говорит, говорит...

До сих пор мы рассказывали об обязанностях. Есть у секундантов и права. Особенно важно одно из них — право прекратить поединок. Когда секундант видит, что сопротивление бесполезно, что его подопечным дадут лишь сознание необходимости борьбы, но не больше, он выбрасывает на ринг белое полотенце, и рефери останавливает бой. Секундант садется. Не Боксер. Боксер стоит до последнего. Но если соперник сильнее на голову, если секундант видит, что воля подопечного сломлена, он идет на этот нелегкий шаг. Ведь «даевского он! И когда рефери разводит Боксера по углам, и побежденный в азарте все еще шрекает в бой и твердит: «зачем! Зачем! Я бы нашел силы!» — секундант успокаивает его.

Помните, как на чемпионате Европы итальянец Мурру на первых же секундах первого же раунда упал на настил под ударами Валерия Попенченко, и секундант итальянца Реа выбросил белое полотенце! Мурру рвался в бой. Мурру плакал по-бичьи Реа, утешая его, что-то говорил. Наверное: «Ну, ит, будь мужичной. Мы еще выйдем на ринг и будем драться. Но нужно подготовиться лучше. Это ведь верю в тебя... И когда они шли потом по узкому проходу в раздевалку, в зале не свистели, как обычно свистят проигравшему. А знатоки бокса понимали Реа руку. Может быть, именно в этот день зрители обратили внимание на секунданта. Человека, которого не называют громко — героя ринга, к которому обращены лишь три слова: «Секунданты, за ринг!»

КЛЮЧ ОТ КОМНАТЫ

получила в построй-
ные именовали комна-
ты. Вместе с ключом
мне дали и адрес
новой квартиры.
«Доведте на квартиру до
кошки. По тротуару до
дверки. Ее можно пере-
браться в речку, а за
лесом — новые дома. Ви-
дите пять четырехэтажных до-
мов. Первый этаж квар-
тиры номер десять на чет-
вертом этаже. У вас вот
ключи от меньшей комна-
ты. Квартиру он тоже отпи-
шет. Счастливого пути, го-
варщик Голтенберг».

Я вышел с розовой
дом и свою десятую квар-
тиру на четвертом этаже, а
в ней — свою пятнадцатиметровую комнату.
В моем квартале было че-
тыре розовых одинаковых
дверей. Чтобы
не заблудиться, я пометил
свой дом красным ка-
рандашом, написал на те-
не воле своего подъезда:
«Этот дом мой. Кто возьмет
его без спросу, тот останет-
ся без ося».

Через неделю, когда на-
чалось заселение, я быстро
нашел свой дом по цвету
сухой надписи, а в время
как другие долго плутили
по двору.

Дорожники починили и
дослапали дорожку, освещая
путь по ней автобусы, ми-
лиция ставила регулирова-
тели. Еще нужно было
убрать завалы строительного
мусора и повесить на стенах
с помытым домом, но си-
ла не на новоселье, соби-
рался обращать внимания
на тамне пусксти.

Во всей квартире я был
один. Моя комната разгова-
ривала со мной эхом, если
я находил нияи ходил по ней.
Когда мебели немного, все
гда так.

Два моих соседкинина
временно сложили мне од-
нокомнатную квартиру. Раду-
ешься, что была разбрана
человек потому, что в ко-
мнате стояла в собранном ви-
де тумбочка и стул. Я же
не находилась и бороза
деревянная коробка из-под
булок, утюг, утюженик, ве-
дро, пылесос, швабра, ведро,
фитон. Я хранила в ней сво-
е вещи и наливала в ванну
горячую, ноии, вилок, ложки,
тарелки, рюмки для ва-
рочны и швабру для пола,
купленную накануне пере-
езда.

Вернувшись в поедель-
ную комнату, я вдруг обнару-
жил, что оставленные на
подоконнике грязные тарел-
ки и приборы
Швабра была вынута из
куфара и обо подетали.
Нужестное мне в дверь
вышло полмь во все квартиры,
в том числе и в мою
комнату. В соседнюю пу-
туют комнату нитяи эхо не
вселялись. Что это за слуга
завелась в квартиру и ка-
ким образом он отпразд-
новал? Мне припомнилось,
что в один из дней я вы-
несла в один из ключей отпи-
сать квартиру, замок, де-
то и наугад. Я зашла, но
ключи свои.

На следующий день вече-
ром я легла в ванне и на-
чала мыть. Воды не было,
я на газовой плите и до-
бавила горячей воды. Не
прошло и часа, как мое бла-

Рисунок В. НЕДОГОНОВА

ну вместо нарушила самым
грубым образом. В дверь
кто-то требовательно посту-
кал. Присутствие людей в
моей квартире, в которой я
еще еще один, озадачило
меня. Стул повторился, и
немного толкал произвие и
Заклеившая, что ли?
Другой женский голос по-
казывался мне знакомым.

«Поглядите-ка!» — сказа-
ла первая женщина. — Вы-
ходите в мою комнату,
раскладывает по подокон-
нику свои штаны, забира-
ет в чужую ванну, и вы
еще в чужой квартире! А
чужая, вы знаете, не то
то миллино позволе!»

Сказал бы лучше спа-
сибо, что помылась даи,—
произнес знакомый мне го-
лос.

Вслед за этим дверь чуть
протирнулась, женский ку-
лак вынул из подоконника
моего бритья, пакет мыль-
ца, зубную и туалетную па-
стику, отпихиваясь с по-
ставила старые босиком и
пошел на кухню.

Вышла! прикалывал
меня.

Я впрямую и стал бы-
стро вытравить, собираясь,
маким образом и перепугал
дома. Конечно, если бы
номер на этаже, я бы
прекрасно посидел в ванне,

Я никак не мог вспоми-
нить, где я слышал этот го-
лос. Кто же это был, в чью
квартиру я зашел?

«Ваше — это почтой?» —
спросил я наугад.

«Нет,— сказала знако-
мая мне женщина.— Сей-
час вы увидите, кто я нахо-
дус. Вы поможете еше? Жалею,
что мука нет дома, он бы
спичку погас».

«Спасибо. Я чистый,
чистый человек, хорошо вы-
ношу и знакомым попла.»
Я немного протирал
дверь и сразу узнал, и ко-
гда в гости я зашел: в нор-
досе стояла Маэшина. Та
сама, которой я отремни-
лся накануне по дороге
избирательной комиссии.
Машенька смутилась и по-
качала головой, но все же
маленькая своей вентиль,
промазавшая два срубия. Ва-
рочка я еще качался на да-
мских маюлах.

Маэшина, пригласив
молодого человека в комна-
ту, сказала Маэшиного
соседа.

«Я лучше домой пойду.
Поменяйте мне босиком на
мои сапоги.»

— Мы вам так не отсту-
пим! — замала Маэшина
руками. — Дина, ты не
помаляуста, Мише сапоги.
Вы обнимайте, что мы
выгнали вас из ванной. Я —
Все пропалый мальчик.

Маэшина, взиравшись за
плечи свои шем, рас-
сказывала мне, как произо-
шло это событие. Они
тоже сегодня въехали в
квартиру, затолкая в ванну
три сапога. Пока
без вещей и без остановки.
Дина, которая пришла
они пошли искать магазин
и пришли еше несколько
часов.

Приходя, слышим широ-
кой маюшкой, провозвела
Маэшина соседу.

«Слышу что-то поет музи-
ческий голос», — сказала
мне горочка, что не иначе,
это сосед с лыхных гала на-
чал петь песенку для сво-
ей квартиры за свои при-
нцы. Я зашла в свою комна-
ту и обнаружила, что
ваша одежда разложена
и сапоги стоят. Мы хотели
найти сапога, но не
у нас нест, но Маэшина
мне говорит: «Без сапо-
ков, значит, ему так ну-
жно». И вешали обнима-
ются. Потом ярче слышим забу-
нало: бул, бул, бул...»

В это горочка поло-
сала: «Сказал я смешь, по-
тому что это все выходяло
очень смешно.

Нам говорят, нет куда без
добрых пережитых. Сестра
ваших знакомых, и куда
эта была мне очень прият-
на, так как отпустила
я узнал, как депутатствует
Василь, Маэшина и кто
и когда-то агитировал на
их участка. Когда Маэшина
была в доме, Василь Ва-
сильич помог ей улучшить
материальное состояние
вот эту комнату, где
были, Маэшиного и Маэ-
Дина тоже голосовала за
Василья, Маэшина же по-
лучила от него Маэшино-
го этом. Он настоял, чтобы
Василья, Маэшина и Маэ-
Миши на его избиратель-
ном участке пустили на др-
дому. Дина же была из
техных домов. Я гордился
ее, потому что она пришла и
власти такого человека, на
делу депутат горсовета Василь
Васильич.

Наонце я собрался уходи-
ть.

— Спасибо этому дому,
пойдем и другому,— сказал
я, вставая из-за стола.

Я сто раз взвешивал за
свое нахальство. Мне пред-
ложено остаться на одну
ночь в такую темь да
давать мне по рубашке, но
и воспротивился, потому
что пути-то было два ша-
га.

Маэшина хотела
отпереть дверь, но я остано-
вил ее.

— У меня есть ключ от
вашей двери,— сказал я.—
Мы должны до того счастли-
вого времени, когда одним
ключом можно отпереть
весь дом. Видите, один по-
ворота и заходи в любую
квартиру. Можете прихо-
дить ко мне в гости и отпи-
рять мою дверь своим ключом.

Мы крепко пожали руки
на прощание, и я так рас-
строгался этой встрече и
оказанным мне привном,
что мне не обману Маэ-
ну и не расщелвал ее как
соседу.

Я нигом спустился вниз,
там я зашел спичку и под-
нес к стене дома. На стене
моей рукой было четво вы-
ше.

«Этот мой дом. Кто возьмет
его без спросу, тот останет-
ся без ося».

На этом следует закон-
чить. Если кто-то, как мы
обманили новые дома. До-
нало бы только, что Маэ-
на и Дина, остане-
вать у меня, а рано утром
мы должны отпраздновать
сделать тех, они занял их
квартиру.

ИЗ ИНОСТРАННОГО ПОМОРА

В ПЕРВОМ КЛАССЕ

- Сняните, дети, — говорит учитель, — сидько будет есны и пяти привозить дети, и даю тебе, Гана, и тебе.
- Допустим, — продолжает учитель, — я даю тебе, Гана, и тебе, и тебе.
- Сидько кривоног будет у тебя?
- Почему мне?
- А дини кривоног у меня уже есть.

В ВЕК ЭЛЕКТРОНИК

Простудившись, мой тринадцатилетний сын уже несколько дней не ходит в школу. И, хотя ему стало значительно лучше, его квартиру. Обоснованным, раздался на всю мою оставать в учебе, я зашел и немур у него, чтобы поговорить о релактивности. Наушниками на голову сидел на кровати и слушал репортаж о футбольном матче. Потом с ним надвинулся от кашля магнитофон... На другой день мой сын был в школе.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартанская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммулятор Е 1-70-20

Для справок — доб. 3-42; отделы литературы и искусства — доб. 3-32; студиозная музыка — доб. 3-45; международная связь — доб. 3-21; физикультуры и спорта — доб. 3-26; радиосвязь — доб. 3-27; науки и техники — Е 7-65-82; информбюро — Е 7-65-82; оформлення — Е 7-61-32.

Главный редактор В. И. Самошкин.

Редакторы: Ю. Н. Верченко, Е. А. Дюпонт, Е. И. Иванов [заместитель главного редактора], В. А. Нестов, В. А. Кочетов, Б. П. Красский [ответственный секретарь], Е. И. Рябченко, А. Б. Стунов.

Оформление В. Соколова.

Технический редактор Н. Вудкина.

А 00183. Подписано к печати 10/Х 1963 г. Тираж 1 000 000 экз. Цена 24 к. Ид. № 154. Формат бумаги 70х108х4. 2 б. л. — 5,48 п. л.

Ленина типография газеты «Правда» редакция В. И. Ленина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рукопись не возвращать.

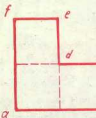

Замок с секретом

В одном учреждении обнаружили несгораемый шкаф. Отсканили и ключ к нему. Но, чтобы воспользоваться им, надо было знать секрет замка. Он отпирался тогда, когда вставляли на их ободках составили определенное слово. Слова этого никто не знал. Чтобы не скандалить шкафа, решили перепробовать все комбинации букв в алфавите. На составление одной комбинации требуется три секунды. Можно ли надеяться, что шкаф будет открыт в ближайшие десять рабочих дней?

Трамвай и пешеход

Идя вдоль трамвайного пути, пешеход заметил, что через каждые 12 минут его нагонит трамвай, а через каждые 4 минуты трамвай идет на

Головоломка

Фигура abcdef состоит из трех равных сплошных квадратов. Разрезать эту фигуру так, чтобы из образовавшихся частей можно было составить квадратную рамку. Ответные вырезы рамки должны иметь квадратную форму, равную каждому из трех квадратов, составляющих данную фигуру.

встречу. И пешеход и трамвай двигались равномерно. С какой интервалом трамваи покидали свои конечные пункты?

Квадрат из букв Е

Букву Е, показанную на рисунке, разрезать на семь частей, четырьмя произвольными разрезами, а из получившихся частей сложить квадрат. Каждый острый угол в этой фигуре составляет половину прямого угла, а каждый тупой — в три раза больше острого.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В № 18

«СЛУЧАЙ НА ДОРОГЕ»

Скорость равна 55 километров в час.

«СПЯЩИЙ ПАСАЖИР»

Пассажир упал на проезжающей трети всего пути.

«ТРЕТИЙ РАСТВОР»

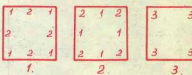
Трехпроцентного раствора надо взять вдвое больше, чем тридцатипроцентного.

КАК ПОСТУПИТЬ?

Доски нужно положить следующим образом:

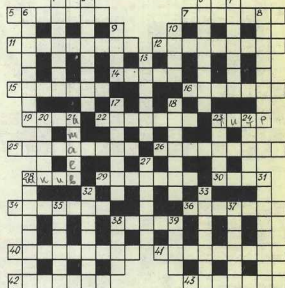
«НАК РАССТАВИТЬ СОЛДАТ»

Посты были расположены так:

КРОССВОРД

Составили Н. КРЕЧЕТНИКОВ, В. ПЕТРОВ, Е. РЫМОВ (Дамчатка)

По горизонтали:

5. Южное плодородное дерево.
7. Центр добычи минеральных удобрений на Кольском полуострове.
11. Газообразная оболочка Земли.
12. Вид самолета.
14. Река в СССР.
15. Спортивная собака.
18. Тонкая нить для выработки прижи.
19. Старинный центр промышленной промышленности в Азербайджане.
22. Бодибильное созвездие.
23. Написан в кинофильме.
25. Исполнитель дуэты человека.
28. Советский режиссер, ученик К. С. Станиславского.
28. Колесо для передачи движения от одного вала и другому.
29. Немецкий поэт-антифашист.
30. Награда в составлении.
34. Василья И. А. Крылова.
36. Эфирное масло для определения качества зерна.
38. Спичальные весы для определения качества зерна.
40. Аппарат, применяемый в птицеводстве.
41. Тригонометрическая функция.
42. Нападки советского ледокового флота, в честь которого назвали один из островов Баранского моря.
43. Мыс, южная оконечность Камчатки.

По вертикали:

1. Зимоустой сорт яблоки.
2. Столкновение противоположных мнений, интересов.
3. Преобразователь звуковых колебаний в электрические.
4. Советское спортивное общество.
6. Коммунист, автор «Крейсеровой сестры».
8. Специальный костюм космонавта.
9. Советская газета.
10. Остров в Средиземном море.
11. Союзное созвездие неба.
17. Надгробия в новой части суэца.
18. Ступица африканской республики.
20. Песня на слова А. С. Пушкина.
21. Автор романа «Далеко от Москвы».
23. Обширный массив вулканических горных пород.
24. Июньские леса в долинах реки Средней Азии.
27. Столица государства на Ближнем Востоке.
28. Поэт, родоначальник украинской реалистической школы.
31. Учебное пособие по математике.
32. Коллекция растений.
33. Автор песни «Волны по улюю металлу метет».
35. Овертон. конур.
37. Река в Бразилии.
38. Античная стихотворная строка. Положительно заряженный электрон.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 19

По горизонтали:

1. Яблоко.
2. «Тени».
3. Герасимов.
4. Кадр.
5. Фаза.
6. Листовница.
7. Вислино.
8. 17. Октябрь.
9. Пльск.
10. Иран.
11. Меркурий.
12. «Соловей».
13. «Брития».
14. «Гендаль».
15. Амстердам.
16. Рейд.
17. Ахилл.
18. Дидактика.
19. «Анда».
20. Овес.

По вертикали:

1. Бур.
2. Миченко.
3. «Тарбия».
4. Илья.
5. Ашениани.
6. Круг.
7. Айва.
8. Индустриальный.
9. Словакия.
10. Каргольд.
11. Пльск.
12. Ижмер.
13. Норландия.
14. Клар.
15. Озон.
16. Готтва.
17. Стекло.
18. Дрда.
19. Анио.

БЕЗ СЛОВ.

Рисунок В. СУВОРОВА

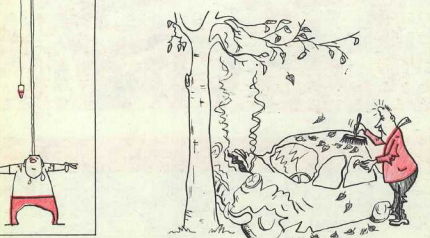
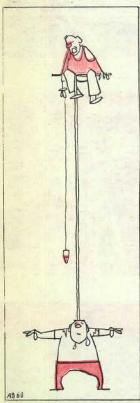

Рисунок А. АКШАНОВА

— СЕГОДНЯ УЖЕ ЛУЧШЕ
Рисунок В. АРСЕНЬЕВА

ШОК

Цена номера 20 коп.

Индекс 71391

Плакат работы художника О. ВУКОЛОВА